

1940 г. И. н. в. № 6999

3
②
Р

92
Г-83 +

2 (092)
П. 15

6
0

ПАМЯТНИКЪ

920
Гр 15
+
Центрально Бю

ПРОФЕССОРУ В. И. ГРИГОРОВИЧУ

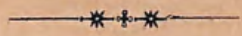
НА МОГИЛЪ ЕГО

Центрально Бю

ВЪ ЕЛИСАВЕТГРАДЪ.

~~№ 6598 ч. 8~~

УПЛОЧЕНО

ПЕРЕПРЕНО

Ур

8

ОДЕССА.

Тип. Шт. Одесскаго военного Округа. Тираспольская, № 14.

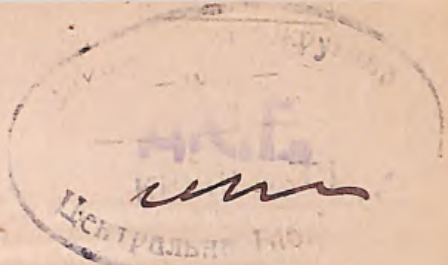
1894.

ГЕСК

Отискъ изъ III-го тома «Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества
при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ».
Печатано по распоряженію «Историко-Филологическаго Общества».
Предсѣдатель Общества *Ѡ. Успенскій*.

AK

**Сооруженіе памятника профессору В. И. Григоровичу
на могилѣ его въ г. Елисаветградѣ.**

Отчетъ Правленія Историко-Филологическаго Общества.

Въ виду особенно важныхъ ученыхъ заслугъ профессора Виктора Ивановича Григоровича по славяновѣдѣнію и по изученію южно-русской старины вскорѣ послѣ смерти его между учениками и почитателями его возникла мысль о сооруженіи надгробнаго памятника ему въ г. Елисаветградѣ. Тогда же для этой цѣли была собрана нѣкоторая сумма, изъ которой одна часть, хранившаяся сначала у бывшаго директора Елисаветградскаго реальнаго училища г. Завадскаго, была передана г. ректору Новороссійскаго университета, а другая, собранная бывшимъ Елисаветградскимъ городскимъ головой С. Н. Турчановымъ, продолжала храниться при Елисаветградской городской управѣ. Но на этомъ дѣло и остановилось, пока въ 1890 году, по случаю исполнившагося тогда 25-лѣтія Новороссійскаго университета, не ожили снова воспоминанія о покойномъ Григоровичѣ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе видныхъ представителей профессорскаго сословія за минувшій періодъ жизни университета. Въ этомъ году состоящее при Новороссійскомъ университетѣ Историко-Филологическое Общество посвятило весь первый выпускъ своей «Лѣтописи» памяти покойнаго профессора и въ засѣданіи 14 марта 1890 г. единогласно постановило: во 1-хъ, возбудить чрезъ г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа ходатайство объ испрошеніи въ установленномъ порядкѣ разрѣшенія на сборъ пожертвованій между учениками и почитателями проф. Григоровича въ Казани, Москвѣ и Одессѣ, по мѣсту службы его, во 2-хъ, по полученіи разрѣшенія снестись съ подлежащими учрежденіями относительно суммъ, поступившихъ ранѣе для той же цѣли, и въ 3-хъ, открыть дальнѣйшую подписку среди уче-

никовъ и почитателей Григоровича. 26 ноября 1890 года г. Ректоръ Новороссійскаго университета по предложенію г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа увѣдомилъ Правленіе Общества, что г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ, отъ 15 ноября того-же года за № 18011, разрѣшенъ сборъ пожертвованій для указанной цѣли. По полученіи этого разрѣшенія Правленіе приняло въ свое распоряженіе ранѣ собранныя суммы, а именно: чрезъ ректора Новороссійскаго университета 87 руб. и чрезъ Елисаветградскаго городского голову А. Н. Пашутина 100 руб., и предприняло слѣдующія мѣры къ дальнѣйшему сбору пожертвованій. Прежде всего Правленіе помѣстило соотвѣствующія приглашенія къ пожертвованіямъ въ газетахъ Одессы, Казани и Москвы и напечатало ихъ отдѣльными оттисками для распространенія среди лицъ, на участіе которыхъ можно было надѣяться. Затѣмъ Правленіе обратилось за содѣйствіемъ къ г. Попечителю Одесскаго Учебнаго Округа Х. П. Сольскому и его благосклонному участію было обязано открытіемъ сбора между преподавателями не только среднихъ учебныхъ заведеній округа, но даже и низшихъ. Что касается послѣднихъ, то особенно сочувственно отнеслась къ дѣлу дирекція народныхъ училищъ Бессарабской губерніи, и нельзя не отмѣтить того факта, что значительная доли собранной по Одесскому округу суммы составила изъ мелкихъ, часто копѣчныхъ взносовъ учениковъ и учителей сельскихъ школъ. Одновременно чрезъ посредство ректора Новороссійскаго университета была открыта подписка и среди профессоровъ университета. Разсчитывая на особенно усердное содѣйствіе среди учительскаго сословія и вообще гражданъ г. Елисаветграда, въ которомъ провелъ послѣдніе мѣсяцы жизни и погребенъ покойный профессоръ, Правленіе, помимо подписки въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, открыло тамъ отдѣленіе комитета по сбору пожертвованій, пригласивъ къ участію въ немъ городского голову А. Н. Пашутина, соборнаго протоіерея Ѳ. С. Еленевскаго и учителя реальнаго училища В. Н. Ястребова, и не обманулось въ своихъ надеждахъ. Указанныя лица отвѣтили полнѣйшей готовностью на предложеніе Правленія, и общіе результаты пожертвованій со стороны Елисаветграда, сверхъ ранѣ собранныхъ, выразились въ суммѣ 400 руб., такъ что Елисаветграду безспорно принадлежитъ главнѣйшая доля участія въ дѣлѣ сооруженія памятника Григоровичу. Слѣ-

дующее за Одесскимъ округомъ мѣсто слѣдуетъ отвести Казанскому и Кавказскому округамъ. Въ первомъ г. Попечитель Н. Г. Потаповъ, разрѣшивъ открытіе сбора въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, поручилъ это дѣло одному изъ многочисленныхъ въ округѣ учениковъ Григоровича, профессору Н. А. Осокину, который въ весьма сочувственныхъ чертахъ дополнилъ воззваніе Общества примѣнительно къ Казанскому округу, напечатанное безвозмездно редакторомъ «Казанскихъ Вѣдомостей» Н. А. Ильшенко въ количествѣ 600 экземпляровъ и помѣщенное также бесплатно въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» и «Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ». «Покойный Викторъ Ивановичъ, писалъ проф. Осокинъ, служилъ Казанскому университету въ продолженіи 25 лѣтъ (1839—1864). Въ Казани прошли лучшіе годы его ученой профессорской дѣятельности; здѣсь появились его замѣчательные труды, давшіе ему славу перваго славяновѣда въ Россіи и лучшаго знатока славянства. Онъ воспиталъ здѣсь цѣлое поколѣніе учениковъ, на которыхъ имѣлъ глубокое нравственное вліяніе. Многіе преподаватели гимназій обширнаго Казанскаго Учебнаго Округа еще и теперь помнятъ свѣтлую сердечно-симпатичную личность славнаго ученаго, беззавѣтно ими любимаго, и, конечно, благоговѣнно чтутъ его память. Еще большее число молодыхъ педагоговъ, принадлежащихъ къ слѣдующему поколѣнію, отъ своихъ учителей знаютъ Григоровича по преданію. Благодарная память о немъ, какъ о человѣкѣ всецѣло преданномъ дѣлу народнаго просвѣщенія, сохранилась и въ начальныхъ училищахъ г. Казани». Въ письмѣ на имя предсѣдателя Общества профессоръ Осокинъ, изъявляя особенную готовность содѣйствовать Обществу, писалъ: «для меня лично и, смѣю думать, для всѣхъ моихъ товарищей по университету, память Виктора Ивановича священна; для насъ, его учениковъ, покойникъ и при жизни и по смерти былъ предметомъ своего рода культа, такъ глубоко было его вліяніе». Какъ и слѣдовало ожидать при участіи въ дѣлѣ столь восторженнаго ученика и почитателя Григоровича, сборъ пожертвованій, препровожденныхъ профессоромъ Осокинымъ въ кассу Общества, достигъ весьма значительной суммы (около 400 руб.), въ составъ которой входятъ наиболѣе крупныя отдѣльныя пожертвованія.

Въ Кавказскомъ Учебномъ Округѣ Управление Округа, принявъ личное участіе въ дѣлѣ сбора, также предложило его

и учителямъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, препровождавшимъ пожертвованія непосредственно въ Правленіе Общества.

Въ Варшавѣ Правленіе Общества встрѣтило дѣятельное сочувствіе въ редакціи «Филологическаго Вѣстника» въ лицѣ проф. А. Н. Смирнова, который принялъ на себя трудъ по сбору пожертвованій въ средѣ профессоровъ Варшавскаго университета и присоединилъ къ нимъ значительный личный взносъ.

Нѣкоторое участіе въ дѣлѣ принялъ и университетъ Св. Владимира въ Кіевѣ.

Отмѣтимъ, наконецъ, и взносы отдѣльныхъ лицъ, полученные председателемъ Общества и поименованные ниже въ прилагаемомъ спискѣ пожертвованій.

Результаты сбора пожертвованій къ 11 октября 1891 года достигли суммы 2049 руб. 34 коп., такъ что Правленіе Общества сочло возможнымъ тогда-же приступить къ самому дѣлу сооружеія памятника, хотя и возможно было надѣяться на дальнѣйшія пожертвованія. Услуги для приведенія въ исполненіе начатаго дѣла предложилъ мѣстный художникъ-скульпторъ Б. В. Эдуардсъ, изъявившій согласіе принять на себя все труды устройства памятника безвозмездно, съ уплатою 2005 руб. только за матеріалъ, труды рабочихъ и доставку памятника въ Елисаветградъ ¹⁾, и Правленіе Общества, пригласивъ къ участію въ совѣщаніяхъ архитектора А. О. Бернардацци и обсудивъ представленную скульпторомъ модель въ миниатюрѣ, поручило сооруженіе памятника г. Эдуардсу. Въ заключенное при этомъ условіе внесено было: устроить памятникъ, какъ самый бюстъ, такъ и пьедесталъ, изъ каррарскаго мрамора; бюстъ выполнить въ наибольше возможной точности по имѣющимся фотографіямъ Григоровича и по тѣмъ указаніямъ, какія будутъ сдѣланы лицами, знавшими покойнаго, по изготовленіи модели памятника изъ глины; на четырехугольномъ пьедесталѣ непосредственно подъ бюстомъ помѣстить нѣсколько фоліантовъ рукописей, а подъ ними бордюръ въ славянскомъ стилѣ и въ послѣдній вплести съ передней стороны крестъ; на самомъ пьедесталѣ съ лицевой стороны изобразить

¹⁾ Такъ какъ послѣдняя была облегчена Правленіемъ Общества Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, то впослѣдствіи г. Эдуардсъ отказался отъ полученія соответственной доли уплаты.

зять прибитый пергаментъ съ слѣдующими надписями: «ИСКЪИИ ПРАВЪДЪ МЪЧЪТЪННАГО СВѢТЯ СЪГО» славянскимъ шрифтомъ вверху листа, а ниже въ пяти отдѣльныхъ строкахъ русскимъ шрифтомъ: «Македонія, Византія, Южная Русь во имя славянства», выразивъ при этомъ графически, чрезъ болѣе крупный шрифтъ для послѣдняго слова, объединяющій элементъ научныхъ стремленій Григоровича; въ самомъ низу пергамента помѣстить автографъ и печать Григоровича; въ нижней части пьедестала съ той-же стороны начертать слова: «Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Отъ учениковъ и почитателей»; на лѣвой сторонѣ пьедестала вырѣзать: «Родился въ 1815 г.» и на правой: «Скончался въ 1876 г.»; пьедесталъ поставить на гранитномъ возвышеніи въ двѣ ступеньки. Памятникъ согласно со всеми указанными условіями былъ выполненъ художникомъ Эдуардсомъ къ лѣту 1892 года, а открытіе его было отложено до осени, такъ какъ было признано необходимымъ предварительно обнести памятникъ желѣзной рѣшеткой на гранитномъ основаніи. Въ виду оказавшагося недостатка собранныхъ пожертвованій для окончанія всѣхъ работъ по сооружеію памятника, Правленіе согласно постановленію Общества пополнило недостающую сумму изъ средствъ Общества.

Въ заключеніе отчета о сооружеіи памятника Правленіе Историко-Филологическаго Общества считаетъ долгомъ выразить искреннѣйшую благодарность всемъ поименованнымъ въ отчетѣ и прилагаемомъ ниже спискѣ учрежденіямъ и лицамъ, оказавшимъ то или другое содѣйствіе дѣлу сооружеія памятника Григоровичу, а также редакціямъ газетъ и журналовъ, содѣйствовавшимъ той-же цѣли бесплатной публикаціей объявленій Общества, и Правленію Общества Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, облегчившему сооружеіе памятника предоставленіемъ г. Эдуардсу бесплатнаго проѣзда отъ Одессы до Елисаветграда и скидкой съ тарифа за перевозку памятника въ Елисаветградъ

Списокъ пожертвованій на сооруженіе памятника Григоровичу на могиль его въ Елисаветградъ¹⁾.

Черезъ ректора Новороссійскаго университета поступило собранныхъ вскорѣ послѣ смерти Григоровича.	87 р.	— к.
Отъ профессоровъ и служащихъ въ Новороссійскомъ университетѣ	82 "	— "
Отъ служащихъ въ Ананьевской гимназіи	28 "	16 "
" " " Бахмутской прогимназіи.	18 "	— "
" " " Болградской гимназіи	11 "	— "
" " " Вознесенской прогимназіи	12 "	75 "
" " " Евпаторійской прогимназіи	29 "	50 "
" " " Екатеринославской гимназіи	13 "	— "
" " " Екатеринослав. реальн. учил.	5 "	40 "
" " " Екатеринослав. жен. гимназіи.	8 "	— "
Отъ служащихъ въ Елисаветградскихъ мужской и женской гимназіяхъ	58 "	50 "
Черезъ Елисаветградскаго голову А. Н. Пашутина, собранныхъ вскорѣ послѣ смерти Григоровича бывшимъ городскимъ головою С. Н. Турчановымъ	100 "	— "
Черезъ него же собранныхъ имъ по подписному листу въ г. Елисаветградѣ.	86 "	— "
Черезъ Елисаветградскаго соборнаго протоіерея Ѳ. С. Еленевскаго собранныхъ по подписному листу въ г. Елисаветградѣ	21 "	30 "
Черезъ учителя Елисаветградскаго реальнаго училища В. Н. Ястребова собранныхъ по подписному листу въ г. Елисаветградѣ	210 "	— "
Отъ служащихъ въ Елисаветградскомъ земскомъ реальномъ училищѣ	23 "	— "

¹⁾ Въ виду чрезвычайной многочисленности жертвователей, превышающей цифру 1500, Правленіе Общества не приводитъ здѣсь полного именнаго списка жертвователей, а перечисляетъ пожертвованія по тѣмъ учрежденіямъ, чрезъ которыя пожертвованія поступили въ Общество.

Отъ служащихъ въ Измаильской прогимназіи	7 р.	— к.
" " " Камратскомъ реальномъ учил.	24 "	— "
" " " Кишиневской 1-й гимназіи	27 "	79 "
" " " " 2-й "	23 "	31 "
" " " Мелитопольскомъ реальномъ училищѣ.	6 "	90 "
" " " Николаевской Александровской гимназіи	33 "	— "
" " " Николаевскомъ реальномъ училищѣ	14 "	— "
" " " Одесской Ришельевской гимн.	13 "	— "
" " " Одесскомъ реальномъ училищѣ.	6 "	— "
" " " " коммерческомъ учил.	25 "	— "
" " " Одесской 1-й прогимназіи	3 "	— "
" " " Одесской Маріинской ж. гимн.	6 "	20 "
" " " Полтавскомъ реальномъ учил.	10 "	— "
" " " Херсонскомъ " "	6 "	— "
" " " Ялтинской Александровской прогимназіи.	12 "	25 "
" " " Феодосійской гимназіи	11 "	— "
" " " Дирекціи народныхъ училищъ Екатеринославск. губерніи.	9 "	— "

Черезъ Инспектора народныхъ училищъ 1-го района Бессарабской губерніи:

Отъ учащихся и учащихся въ Ганчештскомъ училищѣ	2 р.	50 к.
Отъ учащихся и учащихся въ Бендерскомъ училищѣ.	2 "	— "
Отъ учащихся и учащихся въ Камратскомъ училищѣ.	27 "	— "
Отъ учащихся и учащихся въ Карпиненскомъ училищѣ.	7 "	29 "
Отъ учащихся и учащихся въ Лопушнянскомъ училищѣ.	9 "	— "
Отъ учащихся и учащихся въ Чадырлунгскомъ училищѣ	21 "	41 "

Отъ учащихся и учащихся въ Чучу-
лейскомъ училищѣ 8 р. 5 к.
и отъ служащихъ въ Инспекціи 7 " — "

всего 83 р. 75 к.

Черезъ Инспектора народныхъ училищъ Бессараб-
ской губерніи 2-го района:

Отъ учителей и учениковъ Тараклій-
скаго училища 5 р. 15 к.
Отъ учителей и учениковъ Турлак-
скаго училища 3 " 90 "

всего 9 р. 5 к.

Черезъ Инспектора народныхъ училищъ 3-го рай-
она Бессарабской губерніи отъ служащихъ
по району 5 р. — к.

Отъ Инспектора народныхъ училищъ 1-го участка
Измайльскаго района и отъ служащихъ въ
Вилковскомъ городскомъ одноклассномъ учи-
лищѣ 5 " — "

Отъ учениковъ и учителей Аккерманскаго город-
скаго училища 14 " 30 "

Отъ учителя и учениковъ Аккерманскаго женскаго
приходскаго училища 3 " 24 "

Отъ учителя и учениковъ Бендерскаго
уѣзднаго училища 6 р. 50 к.

и Бендерской женской прогимназіи 3 " — "

всего 9 р. 50 к.

Отъ учителей и учениковъ Болградскаго 3-хъ клас-
снаго училища 8 р. — к.

Отъ учителей и учениковъ Бѣлецкаго уѣзднаго учи-
лища, 2-хъ класснаго женскаго училища, при-
ходскаго училища и частнаго женскаго 4-хъ
класснаго училища 52 " — "

Отъ учителей и учениковъ Годицкаго однокласснаго
министерскаго училища 4 " — "

Отъ учителей и учениковъ Гросъ - Либентальскаго
русскаго центрального училища 9 р. — к.

Отъ учителей и учениковъ Ивановко-русскаго учи-
лища 2 " — "

Отъ учителей и учениковъ Измаильскаго городского
4-хъ класснаго училища 13 " 28 "

Отъ учителей и учениковъ Кишиневскаго 1-го уѣзд-
наго училища 8 " 72 "

Отъ учителей и учениковъ Кодъ - Китайскаго одно-
класснаго министерскаго училища 5 " 40 "

Отъ учителей и учениковъ Кубейскаго 2-хъ-клас-
снаго училища 6 " — "

Отъ учителей и учениковъ Кубейскаго жен. учил.
Отъ учителей и учениковъ Новобугской учитель-
ской семинаріи 4 " 50 "

Отъ учителей и учениковъ Новотроянскаго одно-
класснаго министерскаго училища 6 " — "

Отъ учителей и учениковъ Оргѣвскаго городского
4-хъ-класснаго училища 2 " 20 "

Отъ учителей и учениковъ Пандавлійскаго одно-
класснаго министерскаго училища 6 " — "

Отъ учителя Плахтѣвскаго училища 3 " — "

Отъ учителей и учениковъ Ренисскаго городского
3-хъ-класснаго училища 9 " 55 "

Отъ учителей и учениковъ Саталыкъ-Хаджійскаго
училища 3 " 60 "

Отъ учителей и учениковъ Селіогльскаго 1-класснаго
министерскаго училища 4 " — "

Отъ учителей и учениковъ Сорокскаго уѣзднаго
училища 19 " 13 "

Отъ служащихъ въ Симферопольской татарской
учительской школѣ 8 " 80 "

Отъ учителей и учениковъ Татаръ-Копчакскаго
однокласснаго училища 3 " — "

Отъ учителей и учениковъ Талмазскаго училища 6 " — "

Отъ учителей и учениковъ Хотинскаго уѣзднаго
училища 5 " — "

Отъ учителей и учениковъ Чійшійскаго 2-хъ-клас-
снаго министерскаго училища 6 " — "

Отъ учителей и учениковъ Чобручскаго однокласнаго министерскаго училища	8	р.	10	к
Отъ учителей и учениковъ Чумлекіойскаго однокласнаго министерскаго училища	4	"	—	"
Отъ учителей и учениковъ Старо-царичахскаго однокласнаго министерскаго училища	1	р.	23	к. ¹⁾
Изъ канцеляріи Одесскаго Учебнаго Округа.	3	"	—	"
Отъ Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.	13	"	—	"
Отъ служащихъ въ Бакинскомъ реальн. училищѣ.	10	"	—	"
" " " Владикавказской гимназіи	5	"	—	"
" " " Владикавказской Ольгинской женской гимназіи	2	"	—	"
" " " Горійской (Закавказской) учительской семинаріи	7	"	10	"
" " " Гори-Анастасіевской женской прогимназіи	3	"	50	"
" " " Екатеринодарской городской гимназіи	5	"	—	"
" " " Елисаветпольской гимназіи	4	"	60	"
" " " Ейскомъ реальномъ училищѣ.	6	"	—	"
" " " Ейской женской прогимназіи	4	"	—	"
" " " Кубанской учительской семин.	5	"	80	"
" " " Кутаисской гимназіи	5	"	40	"
" " " " прогимназіи	6	"	88	"
" " " " учительск. семин.	7	"	—	"
" " " Пятигорской прогимназіи	6	"	—	"
" " " Ставропольской гимназіи	1	"	—	"
" " " Сухумской женской прогимн.	2	"	—	"
" " " Темиръ - Ханъ - Шуринскомъ училищѣ	6	"	—	"
" " " Тифлисскаго 1-ой гимназіи	5	"	—	"
" " " " 2-ой гимназіи	6	"	—	"
" " " Тифлисскомъ реальн. училищѣ.	8	"	88	"
" " " Тифлисскаго женской гимназіи и прогимназіи	6	"	—	"

¹⁾ Объ этомъ пожертвованіи получено только увѣдомленіе инспектора народныхъ училищъ Бессарабской губерніи г. Тинова, въ отчетномъ году уже умершаго.

Отъ служащихъ въ Шушинскомъ реальн. учил.	16	р.	—	к.
" " " Эриванской гимназіи	5	"	—	"
Отъ профессоровъ Казанскаго университета Н. А. Осоеина (50 р.), М. П. Петровскаго (50 р.), А. А. Лебедева (50 р.) и другихъ	249	"	55	"
Отъ профессоровъ Казанской духовной академіи.	25	"	—	"
Отъ служащихъ въ Казанской 1-й гимназіи.	5	"	—	"
" " " " 2-й "	8	"	—	"
" " " Астраханской гимназіи	11	"	—	"
" " " Астраханскомъ реальн. учил.	10	"	—	"
" " " Вольскомъ " "	17	"	45	"
" " " Вятскомъ " "	8	"	—	"
" " " Елабужскомъ " "	6	"	50	"
" " " Камышинскомъ " "	7	"	—	"
" " " Самарскомъ " "	6	"	—	"
" " " Сарapulьскомъ " "	3	"	50	"
" " " Симбирской гимназіи	14	"	—	"
" " " Сызранскомъ " "	3	"	—	"
" " " Царицынской гимназіи	4	"	—	"
Сверхъ того по Казанскому округу отъ А. Д. Иноземцева, А. Г. Шапошникова и А. Д. Некрасова	8	"	—	"
Отъ профессоровъ университета Св. Владимира	11	"	—	"
" " Варшавскаго университета.	65	"	—	"

Отъ нижеслѣдующихъ отдѣльныхъ лицъ:

Г. Е. Аванасьева, Г. Барановскаго, Г. С. Дестуниса, В. Иконникова, В. О. Канскаго, директора Варшавской 5-й гимназіи, Ю. Леонтовича, учителя Урюпинскаго реальнаго училища, І. М. Мартынова, И. И. Ордынскаго, Н. А. Попова, С. В. Чаушанскаго.	67	"	—	"
---	----	---	---	---

Приходъ:

Поступило пожертвованій	2052	р.	34	к.
% на капиталъ, обращенный въ % бумаги.	44	"	33	"
Изъ суммъ Историко-Филологическаго Общества.	123	"	21	"
<hr/>				
Итого	2219	р.	88	к.

Расходъ:

Уплачено г. Эдуардсу за материалы и трудъ рабочихъ	1975	р.	—	к.
Устройство рѣшетки около памятника	225	"	—	"
Типографскіе и почтовые расходы.	19	"	88	"
<hr/>				
Итого	2219	р.	88	к.

Открытіе памятника Григоровичу.

Днемъ торжественнаго освященія памятника Григоровичу было назначено 18-е октября 1892 года. Къ этому дню въ Елисаветградъ прибыли Его Преосвященство Епископъ Елисаветградскій Агакій, депутаты Историко-Филологическаго Общества, Новороссійскаго Университета, Общества бывшихъ студентовъ того-же Университета и Ананьевской гимназіи. Торжество началось литургіей, совершенной Преосвященнымъ въ кладбищенской Петропавловской церкви, куда собралось множество молящихся, въ томъ числѣ учителя, ученики и ученицы всѣхъ городскихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Послѣ литургіи, на которой произнесъ слово Его Преосвященство, къ памятнику двинулась длинная процессія духовенства съ Преосвященнымъ во главѣ. Вокругъ памятника уже стояли ученики мѣстныхъ учебныхъ заведеній съ вѣнками въ рукахъ, а далѣе — несмѣтная толпа молящихся. Когда скульпторъ сдернулъ съ памятника завѣсу и глазамъ присутствующихъ предстало изображение знаменитаго профессора, ярко освѣщенное солнцемъ, началась панихида, отслуженная съ необычайной торжественностью при участіи въ пѣніи всего духовенства. По окончаніи панихиды были возложены на памятникъ вѣнки отъ Казанскаго Университета, отъ Новороссійскаго Университета, отъ Общества бывшихъ студентовъ Новороссійскаго Университета, отъ Одесскаго Славянскаго Общества, отъ Ананьевской гимназіи, отъ Елисаветградской гимназіи, отъ Елисаветградскаго реальнаго училища, отъ учениковъ старшихъ классовъ того-же училища и отъ гражданъ г. Елисаветграда. При возложеніи вѣнковъ соединенные хоры учениковъ Елисаветградской гимназіи и реальнаго училища, съ участіемъ оркестра духовыхъ инструментовъ изъ учениковъ гимназіи, исполнили гимнъ „Коль славенъ“. Затѣмъ проф. А. А. Кочубинскій произнесъ рѣчь „О значеніи В. И. Григоровича въ исторіи славяновѣдѣнія“.

Въ 2 часа дня въ актовомъ залѣ классической гимназіи состоялось торжественное собраніе Историко-Филологическаго Общества въ честь памяти Григоровича. При входѣ Его Преосвященства пѣвчіе гимназіи и реального училища пропѣли „Царю Небесный“, а затѣмъ оркестромъ гимназистовъ былъ исполненъ чешскій національный гимнъ. По окончаніи послѣдняго предсѣдатель Историко-Филологическаго Общества заявлялъ, что Его Преосвященство Епископъ Елисаветградскій благоклонно принялъ на себя почетное предсѣдательство въ торжественномъ собраніи въ память проф. В. И. Григоровича, и предложилъ почтить память покойнаго вставаніемъ. Рѣчь проф. О. И. Успенскаго „Исторія сооруженія памятника В. И. Григоровичу“, за болѣзнью автора, была прочитана приватъ-доцентомъ Г. Е. Аванасьевымъ. Затѣмъ проф. А. И. Кирпичниковъ произнесъ рѣчь „О значеніи В. И. Григоровича въ исторіи русской науки“. Послѣ него проф. А. И. Маркевичъ сообщилъ воспоминанія о покойномъ, какъ о преподавателѣ. Преподаватель мѣстнаго реального училища В. И. Ястребовъ, воспитанникъ учениковъ Григоровича и ученикъ его самого, прочелъ рѣчь „О значеніи памятника В. И. Григоровичу для мѣстнаго общества, а инспекторъ того-же училища Н. О. Марковъ прочиталъ свою былинку: „Пахарь русской земли“. Въ промежуткахъ между чтеніями хоры мѣстныхъ учебныхъ заведеній пѣли: гимнъ свв. Кириллу и Меодію, пѣснь „многи лѣта, многи лѣта, православный Русскій Царь“, гимнъ І. А. Коменскому Главача, „Jà jsem Slovan s dušì s tělem. По окончаніи рѣчей прочтенъ длинный рядъ привѣтствій и телеграммъ отъ разныхъ учреждений и учениковъ покойнаго. Особенной сердечностью отличалось привѣтствіе Г. Е. Аванасьева отъ имени Общества бывшихъ студентовъ Новороссійскаго Университета. Торжественное собраніе закончилось русскимъ національнымъ гимномъ, исполненнымъ совмѣстно хорами пѣвчихъ и оркестромъ.

По окончаніи торжества вѣнки, возложенные на могилу, переданы на храненіе въ историко-географическій музей Елисаветградскаго реального училища. Въ томъ-же музеѣ предполагается собрать фотографическія и печатныя изображенія В. И. Григоровича и его памятника, описанія торжества открытія памятника въ періодической печати и печатные труды покойнаго.

Викторъ Ивановичъ Григоровичъ (1815—1876) въ исторіи Славяновѣдѣнія

Орд. проф. А. А. Кочубинскаго.

Ваше преосвященство

и ревнители памяти нашего учителя!

Влекомые однимъ и тѣмъ же чувствомъ, мы собрались сегодня къ подножію памятника того человѣка, бранные останки котораго 16 лѣтъ тому назадъ, глухою зимнею порой, здѣсь, на этомъ священномъ и историческомъ теперь мѣстѣ, мы, исполняя нашъ послѣдній долгъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ предавали холодной землѣ—къ подножію памятника нежданнаго гостя Елисаветграда, Виктора Ивановича Григоровича *).

Внезапно и нежданно Григоровичъ оставилъ насъ, какъ внезапно, за немного недѣль предъ тѣмъ, покинулъ онъ и Университетъ свой, и Одессу, чтобы, по волѣ Провидѣнія, обрѣсти смерть вдали отъ нея, и смерть настоящую, упокоеніе отъ мя-

*) При открытіи памятника настоящая рѣчь была произнесена въ извлеченіи. Въ полномъ видѣ она помѣщена въ LIX томѣ Записокъ Императорскаго Новороссійскаго Университета и въ сокращенномъ видѣ въ «Славянскомъ Обзорѣніи», 1892, ноябрь — декабрь. Авторъ этой рѣчи, какъ адъюнктъ проф. Григоровича по кафедрѣ Славянскихъ нарѣчій съ сентября 1871 года и по оставленіи профессоромъ нашего университета въ сентябрѣ 1876 г., былъ командированъ Совѣтомъ, вмѣстѣ съ орд. профессоромъ И. С. Некрасовымъ, въ Елисаветградъ для участія при погребеніи. Произнесенная имъ тогда надъ гробомъ рѣчь напечатана въ брошюрѣ: «Памяти товарищей» (1878 г.). Здѣсь нѣсколько пополненій.

тежа, волнений. Холодная могила приняла, мерзлая земля простучала и — закрыла на вѣки того, кто всю свою жизнь былъ одна энергія — въ тяжелыхъ поискахъ одного — правды, котораго благородный образъ —

Чело сіяло вдохновеньемъ,
Глаза сверкали, гласъ гремѣлъ —

былъ еще такъ свѣжъ въ благоговѣйной памяти его учениковъ и почитателей. Еще недавно онъ глашалъ

Хранить племя святое братство,
Любви живительный сосудъ...*)

А теперь?... Былъ одинъ прахъ.

Житейскіе счеты закончились. Въ обществѣ стали недо- считывать одного члена, но — кого и какого?

Есть дѣятели жизни, воспоминанія о которыхъ, какъ часто бы они ни повторялись, надолго еще останутся предметомъ живаго интереса, освѣженія, ободренія. Къ нимъ и принадлежалъ Григоровичъ.

Пламенный характеръ и самоотверженіе, глубокій, острый умъ, упражненный рѣдкимъ образованіемъ, и необыкновенное трудолюбіе стараго бенедиктинца, все это гармонически соединилось въ немъ, все это введено было имъ въ дѣло и создало ему славное имя въ наукѣ, въ исторіи нашего отечества. Имя Григоровича — крупная страница въ исторіи Славяновѣдѣнія. Жизнь его — рядъ личныхъ жертвъ, дѣятельность — подвижничество «необыкновеннаго ученаго», какъ сразу опредѣлили его современники. Таланта, отъ Бога даннаго, онъ не закопалъ.

Имя Григоровича переноситъ насъ въ эпоху сложенія университетскаго Славяновѣдѣнія. Онъ былъ изъ числа тѣхъ четырехъ избранниковъ тридцатыхъ годовъ, которымъ предлежала завидная доля — ввести новую научную систему въ сознаніе родной жизни, выполнить завѣтъ нашихъ знаменитыхъ историческихъ старцевъ изъ эпохи предшествовавшей — Румянцева и Шишкова.

Собою Григоровичъ замкнулъ славную серію тѣхъ избранниковъ; но собою открылъ онъ и отходъ ихъ туда — объ онъ полъ жизни, оставивъ за собою право на первое вниманіе въ лѣтописяхъ науки.

*) Изъ стихотвореній Хомякова.

Если его сотоварищи обратились главнымъ образомъ къ детальному изученію еще недостаточно обследованнаго Славянства и тѣмъ обогащали науку, то Григоровичъ, разбираясь въ томъ же архивѣ тысячелѣтней славянской жизни, пытался каждый разъ, дѣлая свои вклады, проникнуть возможно глубже, въ быломъ Славянства вскрыть идею, въ пестрой массѣ чередующихся явленій выслѣдить руководящее начало или являться съ творческою мыслью.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси,

сказалъ однажды старшій современникъ Григоровича, вдохновенный философъ Хомяковъ, обращаясь къ родной землѣ, и въ этихъ словахъ былъ какъ бы данъ завѣтъ для дѣятельности нашего слависта, отмѣченнаго также непререкаемымъ присутствіемъ величайшаго блага — искры Божіей.

Свидѣтель своеобразной славянской взаимности отъ колыбели*), воспитанникъ ополяченнаго роднаго дома, затѣмъ ополяченныхъ базилианъ (въ Умані), Григоровичъ, еще юноша, но заявляетъ и пытливость своего ума, и самостоятельность характера, свою оригинальность.

При первомъ посѣщеніи Одессы, онъ въ восторгѣ отъ нея, что и «безъ лексикона въ ней можно выучиться языкамъ»**), а

*) В. И. родился въ 1815 г. въ деревнѣ Антоновѣ, Херсон. губ., апащевскаго уѣзда, у самой границы Подольской губерніи, родовомъ имѣніи матери, урожд. Шелеховской, польки; отецъ православный, но не дворянинъ, родомъ изъ Черниговской губерніи, былъ исправникомъ. Послѣ ранней смерти матери, имѣніе ея, колыбель нашего слависта, не могло достаться ея дѣтямъ, какъ населенное, было отобрано и перешло назадъ въ ея родъ. Григоровичъ до самой старости со страстію повторялъ слова: «возвратите мнѣ гражданскія права!» Рѣдко кто понималъ значеніе этихъ многозначущихъ словъ, а они именно и относились къ отобранному имѣнію, отчего незамужняя сестра Григоровича (ее мы знавали въ Одессѣ) всегда была въ большой нуждѣ, а младшаго брата Олимпія, недавно умершаго въ Херсонѣ, ему пришлось самому воспитывать. Средній братъ еще въ живыхъ.

**) Его собственныя слова, слышанныя нами не разъ въ бытность у него доцентомъ. Во избѣжаніе недоразумѣній, считаемъ долгомъ объяснить, что свѣдѣнія, источникъ которыхъ у насъ не указывается, почерпнуты или изъ нашихъ личныхъ замѣтокъ о бесѣдахъ съ покойнымъ, или изъ матеріаловъ нашего портфеля. Надѣмся, что никто не заподозритъ насъ въ измышленіи.

18-ти лѣтъ оканчиваетъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ. Въ глазахъ своихъ родныхъ онъ уже готовый чиновникъ, съ вѣнцомъ высшаго образованія. Но снаряженный, по обычаю времени и по нѣкоторымъ особымъ расчетамъ, на службу въ Петербургъ, онъ, уже въ виду Петербурга, сворачиваетъ съ пути и укрывается въ Дерптъ, чтобы здѣсь, въ гнѣздѣ настоящей для того времени науки, спасти себя для науки, выработать изъ себя, путемъ лишеній и непрерывнаго труда, человѣка науки, пройти настоящій университетъ. О своемъ харьковскомъ періодѣ онъ только съ сожалѣніемъ вспоминалъ, напр. о томъ, какъ училъ онъ на-изусть лексиконъ Кронеберга, годами слушалъ съ кафедры чтеніе басенъ Крылова съ приправою излишне откровенной эстетики. Образовательный элементъ былъ не великъ. Очевидно, показанія другихъ современниковъ не противурѣчатъ этимъ его воспоминаніямъ. Привычку же къ труду онъ могъ еще вынести изъ уманьской школы базилианъ *).

Но вотъ въ скромномъ Дерптѣ предъ нашимъ бѣглецомъ-ослушникомъ широко раскрылись и обнявшая всю Европу философія Гегеля, и рациональныя классическія студіи, съ ихъ культомъ воспитывающей старины; межъ нихъ робко, случайно пробивались и славянскіе вопросы, задѣвавшіе мимоходомъ пытливаго юношу-классика. Онъ былъ счастливъ за Гегелемъ, за міромъ ветхихъ, и оба эти высоко-образовательные фактора и опредѣлили главное направленіе въ ожидавшей его самостоятельной дѣятельности.

Прошло цѣлыхъ пять лѣтъ — не малое пространство времени — въ сладкихъ лишеніяхъ за работою надъ собою, выработкою себя — и кто скажетъ, какъ долго продлилось бы это отшельничество, эта образовательная школа Григоровича, если бы случай не вызвалъ его къ новой, дѣятельной жизни.

Небольшой кружокъ талантливыхъ молодыхъ людей приготовлялся тогда въ Дерптѣ къ профессорскимъ кафедрамъ. Его составляли между прочимъ: астрономъ Савичъ, медикъ Варвинскій и политико-экономъ Горловъ. Съ ними, особенно послѣдними двумя, былъ близокъ Григоровичъ, отмѣченный уже тогда ими,

*) Ср. о воспитаніи у базилианъ добрыя воспоминанія известнаго друга Мицкевича, А. Е. Одынца: «Wspomnienia z przeszłości», Warszawa, 1884, 32—33.

какъ талантливый ученый и человѣкъ рѣдкаго сердца. Когда же въ 1838 году Горловъ попалъ въ Казань, онъ и указалъ мѣстному попечителю, Муслну-Пушкину (1827—1844), на своего молодого ученаго друга въ Дерптѣ, какъ на возможнаго кандидата на открывавшуюся впервые въ Казани кафедру Славяновѣдѣнія *).

Выборъ блестящаго адепта науки, съ широкимъ образованіемъ, былъ только и возможенъ для Казани: человѣкъ среднихъ силъ неминуемо бы затерялся въ требованіи открывать собою новую науку: Казань въ распоряженіе своего будущаго слависта могла предложить пять-шесть молитвенниковъ славянскихъ. Но ученый «необыкновеннаго порядка», какъ Григоровичъ опредѣленъ былъ сразу и въ Казани, хотя и съ недостаточнымъ титуломъ «дѣйствительнаго студента», нашелся: его спасъ, вынесъ на берегъ его философскій умъ, помимо талантливости натуры. Давно, еще въ Дерптѣ, протудированный сухой трудъ знаменитаго чеха Шафарика, подъ философскою мыслью Григоровича, воскресилъ «глубоко сокрытый духъ» въ литературной исторіи Славянства, обнявъ частныя литературы славянъ, какъ откровеніе народнаго духа — народнаго сознанія **). Съ этимъ обобщающимъ

*) Вспоминая объ этомъ приглашеніи, старикъ любилъ пронизировать надъ собою, что его права на эту кафедру основывались на знаніи еще изъ дома польскаго языка да на томъ, что онъ издали видѣлъ у Прейса, тогда гордаго учителя гимназій въ Дерптѣ — онъ училъ у мѣстныхъ помѣщиковъ — «Glagolita Clozianus», но каковую книгу хозяинъ никогда не давалъ ему.

**) Этому истинно-правильному взгляду, поражающему насъ, если вспомнимъ когда и при какихъ условіяхъ онъ былъ высказанъ, авторъ, естественно, остался вѣренъ до конца своихъ дней. Въ своей глубоко-содержательной и эффектной рѣчи на 11 мая 1871 года, въ первую годовщину Одесскаго Славянскаго благотворительнаго Общества, которое онъ создалъ, такъ въ первое время лелѣлъ, прежде чѣмъ разочаровался (какъ секретарь Общества, въ первомъ году, онъ израсходовалъ своихъ денегъ нѣсколько сотенъ), — рѣчь, которую мы можемъ разсматривать, какъ внутреннюю автобіографію, исповѣдь души старѣющаго, но не состарѣвшагося знаменитаго слависта, Григоровичъ въ мастерской картинѣ общаго генезиса Славянской науки говоритъ: «Участіе, которое каждое славянское племя принимало въ общемъ движеніи поколѣній, какъ ни кажется отрывочнымъ, несвязаннымъ, можно нынѣ подвести подъ общія начала. При частныхъ литературахъ мы, слѣдовательно, можемъ имѣть общую славянскую литературу». («Изъ лѣтописи науки славянской». Одесса. 1871, стр. 15). Въ инте-

характеромъ были оба его первые труда, сочиненія на степень кандидата и магистра, обработка, различная по объему, одной и той же темы.

Суровъ былъ приговоръ надъ магистерскимъ трудомъ министерскаго критика, стараго знакома и по наукѣ товарища, Прейса, слависта Петербургскаго университета: Прейсъ требовалъ кассациі университетскаго приговора — отнятія магистерства (недостаточность-де матеріала, повторяемость, при «философскихъ предубѣжденіяхъ», темнота изложеніи). Но правъ былъ старикъ Востоковъ, который уже въ виду кандидатской работы, и также при официальной ея критикѣ, провидѣлъ въ авторѣ, еще студентѣ Григоровичѣ, «достойнаго кандидата на кафедру» и, вѣроятно, не для одной Казани.

Вдали голоса раздвоились. Но на мѣстѣ, въ Казани, первые шаги въ наукѣ студента-профессора производили чарующее впечатлѣніе, ихъ «чисто оригинальный взглядъ на исторію славянскихъ литературъ — стремленіе обработать ее въ совокупности, показать ихъ взаимодѣйствіе» *), не допускавшее двоенія. Конечно, этому не мало содѣйствовало и личное знакомство съ авторомъ. Въ рѣшительный моментъ жизни Григоровича, въ началѣ его самостоятельной службы славянской наукѣ, одинъ изъ его лучшихъ благожелателей — друзей, новый казанскій попечитель, Молоствовъ, официально произнесъ о немъ знаменательныя слова: «это — не обыкновенный ученый, посвящающій себя профессорскому званію для достиженія личныхъ цѣлей, но человекъ, страстный къ наукѣ, жертвующій всѣмъ для нея» **).

Потребовалось немного времени, чтобы эти вѣщія слова нашли для себя блестящее оправданіе. Открывшійся новый пе-

ресъ генезиса этого взгляда Григоровича въ 40-хъ годахъ на исторію славянъ надо замѣтить, что Григоровичъ имѣлъ въ нѣкоторомъ смыслѣ своими предшественниками В. Мацѣвскаго и М. Вишнеvsкаго (гегеліанцы), польскіе труды коихъ ему были хорошо извѣстны.

*) Изъ факультетскаго разбора кандидатской диссертациі, сдѣланнаго проф. Горловымъ. Въ 1840 г. тотъ же Горловъ препоручаетъ Григоровича въ сотрудники «Москвитянина»: «съ рѣдкими свѣдѣніями въ классическихъ литературахъ и словенскихъ языкахъ». (Б а р с у к о в ъ, Погодинъ, V, 503).

**) Изъ донесенія министру, отъ 6 авг. 1844 г., когда уже Григоровичъ отплывалъ изъ Одессы въ Турцію, начиналъ свое знаменитое славянское путешествіе.

ріодъ дѣятельности Григоровича, его командировка въ Турцію и славянскія земли (1844—1847), разрѣшилъ послѣднее сомнѣніе во взглядѣ на смѣлаго новатора-слависта, когда онъ, вѣрный своей умственной привычкѣ, открылъ и здѣсь, въ новой области дѣятельности, новые пути, а не повторилъ своихъ старшихъ сотоварищей, и это при обстановкѣ, почти невѣроятной для нашего времени. Зато и возвратился Григоровичъ не только могучимъ славистомъ, но съ запасами науки, которые дали содержаніе для дѣятельности и его, и цѣлаго ряда ученыхъ, дають и сегодня, а имя казанскаго путника обезсмертили.

Востоковъ рекомендовалъ Григоровичу, въ оцѣнкѣ его перваго печатнаго труда, восполненіе свѣдѣній и по исторіи южныхъ славянъ съ открытіемъ «новыхъ источниковъ». Но творецъ исторіи южно-славянской литературы, Востоковъ, не подозрѣвалъ, какое дѣйствіе произведетъ его ученый совѣтъ на страстнаго изслѣдователя въ Казани. Вѣроятно же всего, Востоковъ имѣлъ въ виду выходившее тогда въ свѣтъ свое монументальное «Описаніе рукописей Музея гр. Румянцева».

Въ то время какъ второй корифей современной славянской науки, радушный руководитель, поочередно, старшихъ товарищей Григоровича въ Прагѣ, Шафарикъ, восторженный «величественнымъ» твореніемъ Востокова — «Описаніемъ», объявилъ, что въ самой Россіи онъ уже напалъ на слѣдъ памятниковъ изъ эпохи начальной письменности славянъ: энергическій избранникъ Казани, «поставивъ изученіе исторіи литературы главнымъ предметомъ занятій» *) — область, почти не тронутую его сотоварищами, не удовольствовался работою другихъ, какъ плодотворна она бы ни была, рѣшилъ — не ждать «новыхъ открытій» отъ другихъ, а самому пойти на нихъ, какъ только онъ почувствовалъ себя, послѣ томительнаго искуса, нѣсколько самостоятельнымъ **).

*) Его слова изъ «Плана путешествія въ слав. земли», въ началѣ, напечатаннаго его заслуженнѣйшимъ ученикомъ, М. П. Петровскимъ, своею неостывающею любовью къ наукѣ, своею скромностью пріятно воскрешающаго своего учителя.

**) Что вполне самостоятельнымъ онъ чувствовать себя не могъ, ясно изъ одного того, что онъ имѣлъ казенную инструкцію, которая его казанскимъ недоброжелателямъ давала поводъ къ постояннымъ придиркамъ: «самъ учишь, и только, во время путешествія, а не учишь тебѣ другихъ», твердили они. Во главѣ ихъ былъ юркій проф. Ивановъ.

Эта самостоятельность и открылась съ отъезда за границу, въ славянскія земли.

Намѣтивъ для себя не изученіе нарѣчій, не этнографію, не исторію политическую, а интересы славянской мысли въ словѣ, литературную старину, но въ связи съ культурными условіями эпохи, Григоровичъ въ этой суженной сферѣ своихъ научныхъ интересовъ избралъ главнымъ образомъ одну, но самую кардинальную и темную, область — *initia regum literariorum*: о началѣ славянской литературы — ея древнѣйшихъ памятникахъ, ея письмѣ и ея орудіи — языкѣ*). Вотъ почему, если его старшіе сотоварищи свой славянскій обходъ начинали съ западнаго конца, только въ мечтахъ своихъ лелѣя мысль о завершеніи его на недоступной Турціи и Аѳонѣ, то Григоровичъ, и здѣсь не повторяя ихъ, началъ именно свой славянскій путь съ нетронутаго, дикаго Востока.

Но что давало ему право на эту оригинальность? Одного желанія было мало. Помимо его натуры: таланливости и характера, заставлявшаго его жертвовать всею наукой ради, одно важное условіе — «усмотрѣнная обширная начитанность и познанія», говоря словами казанскаго попечителя, въ донесеніи министерству отъ 29 мая 1843 г., классическое образованіе, знаніе языковъ древности и — Византіи. «Византіяны, писалъ онъ съ пути, сдѣлались необходимымъ чтеніемъ, а пріобрѣтеніе способа разумѣть ихъ достаточнѣе — постояннымъ предметомъ поисковъ» (1846 г. въ «Краткомъ отчетѣ»). Недалеко было время, когда и нѣмецкая наука устами одного изъ своихъ представителей, изв. Тафеля, произнесетъ судъ о нашемъ путникѣ: «*Byzantinorum literarum optime gnarus*»**).

*) Ранѣе своихъ сотоварищей, Григоровичъ съ университетской кафедрой первый училъ о высокому методологическому для науки языка значенію церковно-славянскаго языка, имѣя въ этомъ вопросѣ предтечу въ Шафарикѣ. Мы имѣемъ въ виду его печатную программу преподаванія славянскихъ языковъ 1841 года. Нельзя думать, что талантливому воспитаннику нѣмецкой школы въ Дерптѣ было неизвѣстно движеніе науки на ближайшемъ Западѣ, направленіе великаго Боппа, введеннаго, по указанію Шафарика, хотя и недостаточно, церковно-славянскій языкъ въ свою «Сравнительную Грамматику». Непререкаемый методологическій законъ современной науки былъ категорически высказанъ полъ-вѣка назадъ юнымъ славистомъ въ Казани — непререкаемое знаменіе крупнаго ума.

**) Tafel въ «*Urkunden zur Geschichte der Republik Venedig*», I, 247

Того же требовалъ и пульсъ современной науки. «Трудная вещь, писалъ Шафарикъ своему другу, Погодину, въ Москву, 1 іюня 1840 г., напасть на слѣдъ рѣчей патріарха Фотія и другихъ разсужденій. Только путешествующіе ученые могли-бы на мѣстѣ произвести настоящія изысканія»*).

Съ жаркими напутствіями московскихъ славянофиловъ: Валуева, Хомякова, даже съ пучками стиховъ послѣдняго, Григоровичъ покинулъ въ августѣ 1844 г. Россію, чтобы изъ Одессы чрезъ Константинополь вступить первымъ на священную почву родины первоучителей славянскихъ, Солуня, а оттуда на Аѳонъ и далѣе въ глухую Македонію. Это отважное движеніе въ глубь дикой Турціи одиночнаго русскаго ученаго 40-хъ годовъ только что не дѣлая эпопею, къ сожалѣнію, изъ печати вышедшая въ укороченномъ видѣ**). И сегодня тамъ одинъ ужасъ: а что тогда?...

Вотъ на пути у Охридскаго озера, гдѣ путешественникъ открываетъ живые слѣды культа св. Климента и другихъ учениковъ Славянскихъ Апостоловъ, изъ-за камней набрасывается на «даскала кур Григоровича, голема човека» (официальный монастырскій на мѣстѣ титулъ его), подстерегавшій его болгар-

*) «Письма къ Погодину изъ славянскихъ земель» изд. Н. Попова, М. 1880, 267. Эта задача науки выставлена знаменитымъ славистомъ въ Прагѣ, какъ кажется, подъ вліяніемъ знакомства съ только что полученными имъ отъ Погодина его «Историческими изслѣдованіями»: онъ отклоняетъ отъ себя сужденіе о книгѣ московской — не его специальность, но дѣлаетъ отдѣльныя поправки (ср. ів. стр. 265, въ концѣ). Вѣроятно, Погодинъ и просто указалъ Шафарику — отыскать Фотія, а съ этимъ онъ самъ познакомился отъ ректора Д. Ак. Филарета. (Барсуковъ, оп. с. V, 407). Въ виду того, что лѣтомъ 1840 года Срезневскій уже работалъ въ Прагѣ, а Прейсъ поджидался сюда, можно думать, что, говоря о «путешествующихъ ученыхъ» (курсивъ въ подлинникѣ), Шафарикъ имѣлъ на примѣтѣ именно обоихъ русскихъ славистовъ.

**) Классическій «Очеркъ путешествія по Европейской Турціи» (1848) сильно былъ урѣзанъ при печатаніи, о чемъ не разъ жаловался авторъ въ бесѣдахъ съ нами. Нерѣдко здѣсь языкъ Эзопа, и надо читать между строкъ. Увы! потерявъ (быть можетъ, на время) экземпляръ «Очерка» съ массою собственноручныхъ пополненій, не разъ видѣнный нами. При быстрой описи въ позднее ночное время (при нашемъ присутствіи) судъ приставомъ имущества покойнаго: рукописей въ сундукахъ, книгъ въ мѣшкахъ — экземпляръ этотъ намъ не попался. Кое-что изъ устныхъ слышанныхъ нами разсказовъ о путешествіи сохранилось въ нашихъ замѣткахъ о бесѣдахъ съ Григоровичемъ. Мы ими и пользуемся въ настоящую минуту.

скій «попа» (священникъ) Йованчо, и нашъ путешественникъ, «добрый русскій»*), съ трудомъ отдѣлывается отъ этого одичалаго эпигона св. Климента.

Еще бѣльшую неожиданность приготовилъ ему Велесъ: турецкій жандармъ хватаетъ его за воротъ и среди бушующей толпы тащитъ его къ пашѣ «какъ москова». Едва успокоилъ нашъ «даскаль» пашу, что онъ простой «китабчи», книжникъ, писатель. Переночевавъ въ ханѣ, на зарѣ онъ бѣжалъ.

Но оставимъ дикую Македонію и прослѣдуемъ за Григоровичемъ на Аѳонъ, главный центръ его ученыхъ интересовъ, главное гнѣздо его литературной добычи, но куда давно уже были устремлены пытливые взгляды Добровскаго, Копитара, въ провидѣніи богатыхъ открытій для славянской науки. Здѣсь не было одичалыхъ «поповъ», фанатизованныхъ турокъ: но тѣмъ не менѣе встрѣча была грубая, на каждомъ шагу придирки, запасенныя рекомендаціи ни къ чему, а главное—ни къ чему желанному никакого доступа. Но Григоровичъ съ своимъ девизомъ—«всѣмъ для науки»—не постѣснился ни чѣмъ. «Его пламенная любовь къ предмету и самоотверженіе», говоря современнымъ признаніемъ гордаго имъ теперь его Университета**), все преодолѣли, указавъ ему особенные приемы для разрѣшенія намѣченныхъ задачъ.

Чтобы сколько-нибудь расположить суровыхъ монаховъ на Аѳонѣ къ себѣ, открыть ихъ сердце, а съ тѣмъ и доступъ къ ихъ книжному, мало цѣнному ими, хламу въ чуланахъ, чердакахъ, сырыхъ подвалахъ, въ заваленныхъ всякою дрянью погребяхъ старыхъ башенъ и, наконецъ, въ библіотеки, онъ отстаивалъ всѣ церковныя службы съ ними, выполнялъ всѣ надолго памятные ему строгія добродѣтели и по м о н и к е э п а к о н, читался только что не акридами, писалъ для монаховъ жалостныя прошенія въ Россію и Константинополь о сборахъ и тогда уже

*) Съ такимъ дорогимъ титуломъ Григоровичъ остался на долго въ памяти охридскихъ монаховъ. Когда въ 1862 году посѣтилъ Охридскій монастырь Св. Наума нашъ консулъ г. Юнинъ, одинъ изъ заслуженныхъ дѣятелей нашихъ на Востокѣ, старики—братья хорошо еще помнили путника изъ Казани. «...Вотъ ужъ не то 12, не то 13 лѣтъ тому назадъ посѣтилъ насъ тоже русскій, Гри... Гри... Гри... — Григоровичъ, добавилъ я. — Такъ точно, знаете его? П р е к р а с н ы й господинъ, ну, одно слово, русскій». (Газета «День», 1863, № 52, статья г. Юнина).

**) Отчетъ Казанскаго университета за 1846—47 годъ.

дозволили ему—лазить, рыться*). Въ пиргѣ Хиландарскаго монастыря онъ спускался въ грязное подземелье, рылся тамъ среди гниющей груды рукописныхъ листовъ, весь въ извести выкарабкался изъ башни, но съ двумя листками древнѣйшаго кирилловскаго писма (Поученія Кирилла Иерусалимскаго, пожертвованныя позже нашему Университету, гдѣ они составляютъ сокровище его библіотеки), и тутъ же на берегу моря началъ стирку тысячелѣтняго пергамента. Но случилось и такъ, что ему только показывали рукопись, пригвожденную къ полу библіотеки большимъ костылемъ—нѣсколько своеобразная мѣра охраны собственности.

Но испытанія отъ чужихъ едва ли превышали тѣ униженія и оскорбленія, которыя Григоровичу приходилось выносить отъ своихъ, но съ которыми ему, по несчастной необходимости, пришлось сталкиваться—съ дипломатами. Уже въ Константинополѣ, при первомъ вступленіи на турецкую землю, его встрѣтили звѣремъ. «Какой шутъ надоумилъ тебя путешествовать въ такое опасное время», привѣтствовалъ его, съ характернымъ тыканьемъ, одинъ изъ среднихъ чиновниковъ посольства. Когда же онъ предсталъ предъ другаго, тотъ принялъ его, лежа на диванѣ, съ ногами на столѣ, и едва удостоилъ нѣсколькихъ словъ.

*) Упоромъ—пребываніе дома, искусъ; ѣпаконъ—слушаю, отсюда работаю, какъ послушникъ, въ монастырѣ. 25 окт. 1846, когда Григоровичъ давно уже былъ въ Прагѣ, изъ Букурешта пріятель его Котовъ, небольшой чиновникъ въ мѣстномъ русскомъ консульствѣ, писалъ ему между прочимъ: «...Недавно былъ здѣсь архимандритъ Порфирій (знаменитый Успенскій, позже епископъ Чигиринскій) на возвратномъ пути изъ Палестины въ С.-Петербургъ. Отзывъ его о святогорскихъ отцахъ не весьма удовлетворительны и почти согласуются съ приемомъ, вамъ оказаннымъ. Онъ не упоминалъ только объ и по м о н и к е э п а к о н...» Внимательны были мелкіе чиновнички, въ родѣ Котова. Но въ иномъ родѣ были—к р у п н ы е, о которыхъ нѣсколько словъ ниже. Прекрасную характеристику нѣкоторыхъ к р у п н ы хъ чиновниковъ «азиатскаго» департамента того времени предлагаетъ въ своей автобіографіи образованный генералъ Дюгамель, самъ долго дипломатствовавшій въ Букарештѣ, вскорѣ послѣ странствованій Григоровича. Вотъ что говоритъ онъ о Карлѣ Коцебу, нашемъ консулѣ въ Валахію до 1850 г.: «въ душѣ игрокъ, онъ проводилъ ночи за зеленымъ столомъ, и эта необузданная страсть была причиною, что онъ постоянно находился въ денежныхъ затрудненіяхъ, что вредило его официальному положенію». (Русскій Архивъ, 1885, томъ 2). Понятно, каждый въ роли Григоровича, искавшаго какой-то науки, могъ только неприятно беспокоить, отрывая отъ занятій...

Одно это характерное тиканье — ученому, магистру и человеку не первой молодости — со стороны своих, правда, чиновников и даже титулованных, показывало ясно, что полагаться можно только на себя. Къ вѣщему огорченію Григоровича самое официальное препоручительное письмо о немъ Константинопольскому послу отъ попечителя Одесскаго учебнаго Округа, Княжевича, было получено Григоровичемъ въ Одессѣ безъ подписи попечителя. Но турецкій приемъ оказался еще лаской сравнительно съ тѣмъ, что ожидало его въ Вѣнѣ и все отъ своихъ соотечественниковъ: тамъ уже онъ встрѣченъ былъ съ невѣроятной, холопейей грубостью. Мы эти тяжелыя воспоминанія изъ недавняго былаго воскрешаемъ не для укора (можетъ быть, все это было въ духѣ эпохи), сколько для того, чтобы сильнѣе очертить кроткій, высокій нравственный обликъ смѣлаго путешественника изъ Казани. Какъ бы въ предвидѣніи всѣхъ этихъ любезностей Востока, попечитель Молоствовъ, горячій покровитель своего даровитаго слависта, всячески добивался для него при отъѣздѣ титула адъюнкта-профессора — «который бы, откровенно и предусмотрительно писалъ старикъ въ Министерство, давалъ болѣе значенія и вѣсу», но тщетно: Григоровичъ такъ и уѣхалъ «безъ вѣса», безъ желаннаго титула, на испытанія.

Но никакія физическія и душевныя испытанія не въ силахъ были остановить самоотверженнаго Григоровича предъ научнымъ долгомъ, долгомъ совѣсти. Наука, какъ неослабный стимулъ, гнала его неустанно впередъ и привела къ результатамъ, открытіямъ, которыя превзошли самыя смѣлыя чаянія; имя смѣлаго слависта, умиля современниковъ, стало неразлучно въ исторіи Славянскій науки съ эпохой ея крупнаго подъема, а самое путешествіе — эрой.

Полутаинственный Аѳонъ, о которомъ, какъ о вѣковой сокровищницѣ славянскій науки, мечтали еще старики Добровскій и Копитаръ, а поэтъ Колларъ отвелъ ему особое мѣсто въ своемъ лабиринтѣ сонетовъ, сталъ теперь открытой книгой, важной для историка литературы, культуры и былаго Славянства вообще. Григоровичъ вскрылъ, отрѣшилъ отъ мрака забвенія притаенныя памятники старины — тысячи памятниковъ греческихъ и славянскихъ, цѣлыя кодексы глаголиты, кое-какія, но крупныя, крупныя приобрѣта для себя и тѣмъ спасая для насъ вѣковую святыню отъ гибели или практиковавшагося на Горѣ

аукціона — продажи въ Англію. Мы говорили о вымытыхъ въ морѣ листкахъ. Но кто не слышалъ о глаголическомъ четверо-евангеліи Григоровича, старѣйшемъ евангельскомъ текстѣ, по которому молились наши пращуры?... Его же глаголическій собратъ, Зографское евангеліе, былъ открытъ Григоровичемъ. Съ сербскимъ Законникомъ Душана (изъ XV в.) въ рукахъ Григоровичъ сталъ желаннымъ и для историка юриста. Другихъ вывезенныхъ рукописей, церковнаго и свѣтско-литературнаго содержанія (пергаменный Стефанитъ и Ихнилатъ), отъ вѣка XII, XIII и позже, мы не касаемся. Благодарными и справедливыми словами встрѣтилъ хорватскій рецензентъ второе изданіе знаменитаго «Путешествія»: «не взирая на затрудненія отъ турецкаго правительства, пестроту населенія и невѣжество монаховъ, Григоровичъ собралъ свою коллекцію знаменитыхъ рукописей, которыя навѣрное погибли бы, если бы онъ не спасъ ихъ»^{*)}.

Глухая Македонія съ сосѣдней Албаніей открыла свои тайники, уступающіе аѳонскимъ, но иногда единственные, какъ напр. кирилловскіе палимпсесты, съ рѣшающимъ словомъ въ вопросѣ о времени спроса на глаголицу у славянъ. Въстѣ съ этимъ объявились живые слѣды культа дѣятелей изъ школы Свв. Солунцевъ, какъ Охридскіе монастыри, съ кое-какими монументальными даже воспоминаніями о той эпохѣ.

Не безъ доброй литературной жатвы были и другія, менѣе классическія, для нашего историка-слависта области Болгаріи. Собранная имъ на пути изъ старыхъ церквей, монастырей коллекція рукописей на современномъ болгарскомъ языкѣ XVI—XVII вѣка (въ Рылѣ, Шипкѣ и др.), драгоценная для историка литературы и языка, единственная въ своемъ родѣ: она — второе украшеніе библиотеки нашего Новороссійскаго Университета. Но не мертвымъ капиталомъ явились эти неизвѣстные до тѣхъ поръ

^{*)} Газета «Обзоръ» 1878, № 52. Прибавимъ, что въ «Записной книгѣ» на 1849 г. извѣстнаго нашего критика и поэта, кн. Вяземскаго, сынъ котораго тогда служилъ при посольствѣ въ Константинополь, да и самъ онъ бывалъ тамъ, довольно обстоятельно исчерпано историческое, географическое и литературное содержаніе книги Григоровича (см. «Сочиненія», т. 9, стр. 232—236). Для образованной русской публики трудъ Григоровича былъ поучительной новинкой по знакомству съ Турціей. Въ 20 годахъ были извѣстны у насъ замѣтки объ Аѳонѣ филеллина карамзиниста, В. Д. Дашкова († 26 ноября 1839 г.); но онѣ очень кратки.

памятники въ рукахъ ихъ спасителя для науки: изученные по обычаю уже на пути, они позволили проницательному Григоровичу тогда же высказать блестящую гипотезу объ органическомъ развитіи современнаго болгарскаго языка, исключаящемъ мысль о воздѣйствіи на него однихъ механическихъ факторовъ—новѣйшею наукою блестяще оправдываемую^{*)}). Параллельно съ историко-литературными на мѣстѣ розысканіями шли у неутомимаго путешественника-ислѣдователя работы побочныя, этнографическія, но которыя — новый листокъ въ вѣнкѣ научныхъ заслугъ Григоровича. Записанныя имъ изъ устъ народа въ дѣбряхъ Македоніи, горахъ Родопа и побережьяхъ Дуная пѣсни, по времени и по достоинству, первый компактный сборникъ для этнографіи болгаръ^{**)}). Но что особенно было интересно для науки, такъ это наблюденія Григоровича надъ языкомъ болгаръ Македоніи — открытіе носовыхъ звуковъ (ринезма) въ ихъ живой рѣчи, которое впервые дало твердую почву и обоснованіе для только что тогда являвшейся теоріи о болгарскомъ происхожденіи самаго церковно-славянскаго языка. Дальнѣйшія изслѣдованія только повторяли первыя наблюденія Григоровича.

Но передъ нами поучительное явленіе: тотъ, кто первый сблизилъ документально, и въ вопросѣ кардинальномъ, священный нашъ языкъ съ языкомъ славянскимъ въ Македоніи, самъ до конца дней своихъ былъ исповѣдникомъ не популярной теоріи болгарской, а западной, павнонской. Это предостерегающее слово не упрямаго, но осторожнаго и тонкаго изслѣдователя не можетъ быть равнодушно для науки. Цѣнны были и всякія другія наблюденія.

Такимъ образомъ, цѣлый караванъ новыхъ для науки коллекцій, историко-литературныхъ и этнографическихъ, сопровождалъ знаменитаго теперь Григоровича, когда онъ наконецъ на

*) Въ трудахъ: ак. Ягича (въ его «Арх. Слав. Фил.»), заслуженнаго львовскаго проф. Калины: — «*Studia nad hist. jez. bulg.*» (Kraków 1891).

***) Только небольшая часть его издана тогда же въ Загребѣ Ст. Вразомъ, въ его журналѣ «Коло», радушно уступленная ему русскимъ путешественникомъ, когда тотъ объѣзжалъ Хорватію. Изданныя нами въ «Запискахъ Имп. Одесскаго Общества исторіи и древностей», т. XV, болгарскія пѣсни, по недавно найденной записи 30-хъ годовъ, крайне немногочисленны. Раньше еще только у В. Караджича въ изв. «Додатцима» (1822 г.).

румынскомъ берегу Дуная у Джурджева оставилъ за собою Турцію. Окончился, по классическому выраженію самого Григоровича, его «солдатскій походъ». Подъ старость лѣтъ такъ онъ называлъ, и истинно вѣрно, свои турецкія злоключенія. Первое поздравленіе по сю сторону Дуная ожидало его оттуда, откуда онъ еще недавно вынесъ одни терпкія воспоминанія, но теперь уже «почтеннѣйшій г. Григоровичъ» — изъ Константинополя. «Нынѣ мнѣ, собственноручно писалъ ему посоль, Титовъ (26 августа 1845), въ Букарештѣ, но назвавъ его Иваномъ Викторовичемъ, истинно пріятно поздравить васъ съ избавленіемъ отъ трудовъ и частію даже опасностей, которымъ вы подвергали себя изъ любви къ наукѣ. Вы богато вознаграждены посѣщеніемъ мѣстъ, доселѣ почти недоступныхъ, и запасомъ рѣдкихъ матеріаловъ».

Поздравлять можно было съ чѣмъ. Безъ преувеличенія говоря, ни одна экспедиція не приносила для науки такихъ крупныхъ результатовъ, какъ одиночная экспедиція добровольца Григоровича: ибо въ немъ кипѣла жизнь науки, беззаветная преданность одной наукѣ, а сверхъ того — полная подготовка къ дѣлу, какаго рѣдко у кого встрѣчается. Самое же повѣданіе объ этой экспедиціи, какъ ни урѣзано оно было въ своей печатной одеждѣ, заняло, не только въ русской наукѣ, но и въ богатой наукѣ Западѣ, почетное мѣсто: и сегодня правдивая и богатая наблюденіями книга Григоровича не забыта и тамъ; свидѣтельства ея принимаются съ полною вѣрою; отъ нихъ выходятъ даже современные политики^{*)}.

Но открытія и труды рѣдкаго избранника науки не окончились съ концомъ «солдатскаго пути». И Румынія ждала его съ своими дарами, съ своими интересами, которые, какъ вѣрно понималъ онъ, имѣютъ широкое примѣненіе въ Славянской наукѣ. Не говоря о славянскихъ памятникахъ средней эпохи въ исторіи румынъ, грамотахъ, онъ, русскій путешественникъ, открываетъ первый, т. е. старѣйшій, текстъ румынскаго языка и литературы свѣтскаго содержанія — Лѣтопись Моксы (переводъ съ болгарскаго языка) отъ начала XVII вѣка (въ Быстрицкомъ монастырѣ въ Валахіи), благодаря своему прекрасному знанію

*) Ср. Bérard Victor, La Turquie et l'hellénisme contemporain, стр. 117, въ вопросѣ о судьбахъ эллинизма въ Македоніи. Богатый авторъ сыплетъ золото на пути по Македоніи и все помѣхи: а Григоровичъ — съ мѣдяками!...

и румынского языка, первая школа котораго была у него еще въ Македоніи среди кучо-влаховъ, благодаря своей пытливости и преданности наукъ. Мало того, въ самомъ примитивномъ румынскомъ обществѣ того времени Григоровичъ не упустилъ сдѣлать попытку пробудить интересы къ наукъ, къ своей собственной исторіи, столь тѣсно связанной съ славянской, хотя почва для того, понятно, была еще слабо подготовлена, да и румынское общество было уже занято болѣе серьезнымъ, чѣмъ наука, дѣломъ — фанатическою чисткой своего съ оригинальной исторіей языка отъ его историческаго ингредиента — славянскаго элемента. «Объщанныя вами свѣдѣнія, писалъ ему консулъ А. А. Дашковъ изъ Букарешта въ Прагу (декабрь 1846), поясняящія древнія событія валахскаго народа, а въ особенности относящіяся до церкви и его исторіи, безъ сомнѣнія будутъ приняты здѣсь съ признательностью». Очевидно, Григоровичъ и въ Букарештѣ успѣшилъ подѣлиться своими важными открытіями въ Вѣнѣ, о которыхъ рѣчь будетъ сейчасъ ниже. Въ Рагузѣ (Дубровникѣ) Григоровичъ учится «иллирійскому языку» у нѣкоего Мариновича, заплативъ ему за уроки, къ неописанному его восторгу, цѣлыхъ пять гульденовъ, и добываетъ порядочную рукописную коллекцію далматинскихъ писателей XVI—XVIII столѣтій, не безъ участія предварительнаго знакомства съ извѣстнымъ итальянскимъ, и въ тоже время хорватскимъ, поэтомъ и политикомъ, Томасео, который еще въ Венеціи помогъ ему въ пользованіи знаменитымъ архивомъ бывшей республики *). Новыя рукописи — предметъ зависти самаго Загреба.

*) Изъ нашего портфеля. Письмо отъ іюля 1846 года, Венеція, составляющее какъ бы общее напутствіе Григоровичу при объѣздѣ Далмаціи (оно напечатано нами въ статьѣ: «Двѣ политики въ славянскомъ вопросѣ», въ «Истор. Вѣстн.» 1881, іюль, по снятой нами копіи, въ нашемъ портфель) Томасео (иначе Томашичъ, ибо онъ далматинецъ) заканчивалъ такъ: «Voici les pages du huitième volume de l'Archive, ou il est question de la Dalmacie ou des pays voisins. Je vous prie de me le renvoyer avant votre départ de Venise. Je Vous salue, Monsieur, de tout mon coeur. VIII. 42. 85. 87—90. 92. 48. 125. 127. 132. 135. 137. 138. 152. 159. 165. 169. 171. 277. 293—295. 309. 323. 391. 391. 393. 403. 479. 673. 701. 703. 705. 739. 754. 762. 764. 766». Къ этому письму были приложены рекомендательныя письма къ нѣкоторымъ далматинскимъ знакомымъ Томасео, напр., къ «dottore A. Kaznačić, Ragusa». Извѣстно, что и позже, въ 50 годахъ, архивы Венеціи были трудно доступны. (Ср. «Библиографическія Записки», 1861, стр. 52).

Можно сказать, что каждый шагъ Григоровича въ каждомъ новомъ краю его историческаго объѣзда юго-востока Европы, какъ бы ни былъ различенъ онъ своею культурою, отъ Аэона — Македоніи и до копитаровой Вѣны, гдѣ онъ съ понятною «трепетною радостью» (по его личному признанію) отыскиваетъ громадной исторической важности фоліанты «Протоколовъ» церкви Новаго Рима, синодовъ Константинопольскаго патріархата, освѣщающихъ любопытныя зачатки самостоятельности румынской церкви — ознаменовывался открытіями. Но мы также каждый разъ не должны забывать, какъ не легко давались ему всѣ эти вклады въ науку, какіхъ томительныхъ трудовъ стоило великому исповѣднику науки каждое его открытіе. Такъ, масса предварительнаго труда положена была имъ въ придворной библіотекѣ въ Вѣнѣ, прежде чѣмъ посчастливилось ему открыть «съ трепетною радостью», какъ доносилъ онъ въ министерство, знаменитые «Протоколы». Предъ нами одни результаты; но самый процессъ работы мы забываемъ легко.

Наконецъ, нашъ путникъ у тихой пристани, въ Прагѣ, у великаго чеха — Шафарика, дѣлится съ нимъ своими наблюденіями, свѣдѣніями, знакомитъ его и съ своими литературными сокровищами славянской старины, на сколько это было возможно, такъ какъ турецкій караванъ его, съ его кодексами и отрывками, съ дороги былъ выправленъ въ Казань, разновременно: большинство отсылокъ прошло изъ Константинополя, благодаря участію посла, недавно скончавшагося В. П. Титова, официальнымъ путемъ чрезъ правленіе Ришельевскаго Лицея въ Одессѣ, но при содѣйствіи возвращавшихся тогда въ Россію казанскихъ товарищей — ориенталистовъ: пок. Дителя и г. Березина. Можно было повторить съ нашими старыми книжниками, что не радовался такъ женихъ о невѣстѣ, какъ радъ былъ Шафарикъ своему Григоровичу, его славянскимъ урокамъ, слѣды которыхъ ясны въ современныхъ трудахъ корифея славянской науки *): уроки скромнаго русскаго ученика скромному чешскому учителю — картина эта говорить много.

*) Изъ ст. Шафарика 1847 же года («Výklad. forem...») видно, что Григоровичъ показывалъ ему изъ своего глагольскаго Четвероевангелія одинъ листокъ, отъуда взяты кое-какія грамматическія формы въ это изслѣдованіе.

Съ 1847 годомъ путешествіе было у конца. Но Григоровичъ все продолжалъ жить мыслями о Турціи и рвался туда. Безспорно, бесѣды съ Шафарикомъ могли питать еще неудовлетворенное его чувство, и онъ остановился теперь на смѣлой мысли — изъ Праги своротить не въ Казань, а назадъ, и прежде всего въ Албанію, заполнить изученіемъ албанскаго языка крупный пробѣлъ въ самой европейской наукѣ, т. е. и здѣсь быть въ той же роли инициатора, а затѣмъ повторить визитъ къ историческимъ монахамъ: могъ ли Григоровичъ равнодушно вспоминать, что на Аѳонѣ онъ оставилъ, напримѣръ, нетронутою зографскую глаголицу, успѣвъ ее лишь зарегистрировать, а не открыть для науки, не говоря о другихъ святогорскихъ магнитахъ?... Албанскій-же языкъ занималъ его еще въ Македоніи; но узнать его, хоть нѣсколько, было для него «тщетнымъ стараніемъ», какъ не безъ сожалѣнія онъ признается въ своемъ первомъ отчетѣ*).

Высокой нравственной опорой въ этомъ новомъ смѣломъ предпріятіи Григоровича былъ самъ Шафарикъ, весь поглощенный соображеніями казанскаго путешественника. Мы равнодушно не можемъ себя представить, что дало бы въ общій оборотъ науки это возвратное путешествіе Григоровича въ Турцію, не новичка, но уже своего въ ней, прекрасно подготовленнаго; а личная не ослабшая самоотверженность — залогъ успѣха. Для науки открывалась новая богатая жатва... Но — тщетно поддерживалъ смѣлый и богатый планъ своимъ высокимъ авторитетомъ и самымъ горячимъ, убѣдительнымъ словомъ самъ Шафарикъ, подымая своихъ русскихъ друзей въ интересъ его быстраго выполненія**). Планъ остался предположеніемъ, а Григоровичъ вмѣсто Албаніи и Турціи долженъ былъ поспѣшить въ

*) Ж. Мин. Н. Пр., 1848.

**) 26/11 декабря 1846 г. Шафарикъ пишетъ историческое письмо къ Погодину: «Если я къ вамъ уже сегодня пишу и не откладываю вопроса, требующаго болѣе досуга и болѣе удовлетворительнаго приѣма, то къ этому побуждаетъ меня прежде всего дѣло г. Григоровича. Г. Григоровичъ на дняхъ мнѣ говорилъ, что онъ обратился къ своему правительству о дозволеніи еще разъ отправиться въ Албанію, что по этому вопросу онъ писалъ и къ Вамъ, пославши къ вамъ нѣкоторые отрывки изъ рукописей (зналъ чѣмъ задобрить!) и прося васъ быть за него ходатаемъ, чтобы дано было разрѣшеніе. Вамъ принадлежащее письмо онъ отправилъ по адресу въ редакцію Журн. Мин. Нар. Просв. и чрезъ Вѣну. Если бы онъ мнѣ сказалъ что-нибудь о посылкѣ, я бы посоветовалъ ему отправить прямо къ Вамъ;

свою Казань, къ своимъ рукописнымъ сокровищамъ. <2/11 марта Григоровичъ, пишетъ не безъ грусти Шафарикъ Погодину, двинулся чрезъ Лейпцигъ, Берлинъ, Штетинъ, Петербургъ, Москву въ Казань, напрасно прождавъ здѣсь бумаги изъ Петербурга> (344). Посланныя Григоровичемъ рукописи Погодину, для задобренія, пользы не принесли. Русская наука потеряла, но кто скажетъ — что?... А счастье — было вѣдь такъ близко! Можно предполагать, что причина, почему Министерство оставило безъ всякаго вниманія мысль о второмъ путешествіи Григоровича въ Турцію, не смотря на благословеніе и горячую поддержку ея со стороны такого авторитетнаго для Петербурга лица, какъ Шафарикъ, кроется въ разыгравшейся тогда такъ несчастно кievской исторіи Костомарова и г. Кулѣша. Въ своей периферіи она задѣла и нашего странника: въ то время какъ и у г. Кулѣша была отнята командировка въ славянскія земли, Григоровичъ былъ вытребованъ изъ Берлина прямо въ Петербургъ. Графъ Уваровъ, чтобы уберечь заслуженнаго работника науки отъ непріятнаго знакомства, засадилъ его за составленіе перваго отчета, который и былъ написанъ имъ быстро: «я, вспомнилъ старикъ, не выходилъ изъ своей гостинницы цѣлую недѣлю, написалъ, подалъ и былъ сейчасъ же направленъ въ Казань» *).

я опасаясь, что теперь много времени потеряно... Что касается просьбы Григоровича, то лишне объ ней много распространяться. Сдѣлайте, что можно. На мой взглядъ, дѣло это очень важное. Литературныя находки Григоровича и его открытія о Климентѣ, Наумѣ и остальныхъ помощникахъ Кирилла и Меводія въ Македоніи и Албаніи уже теперь очень любопытны, равно какъ и старое свидѣтельство о Климентѣ, какъ изготовителѣ какого-то новаго алфавита. Второе же путешествіе его въ Албанію предложило бы теперь, послѣ лучшей подготовки, еще большіе результаты. Быть можетъ, въ вопросѣ о происхожденіи и распространеніи глаголицы, мы попали бы, если не въ самый центръ, то по крайней мѣрѣ на нѣсколько болѣе твердую почву. Если потому Вы въ состояніи замолвить доброе слово предъ гр. Уваровымъ о Григоровичѣ, то это Вы сдѣлаете въ интересѣ литературы и науки. Одно меня безпокоитъ, что время слишкомъ коротко... Дѣлайте, что можно». («Перенеска», 341). Дѣло не выгорѣло; но это историческое письмо останется на всегда какъ свидѣтельство глубокой отзывчивости великаго чешскаго учителя къ очереднымъ запросамъ науки и въ то же время — тонкаго умѣнья цѣнить людей, не ошибаться въ своихъ научныхъ симпатіяхъ.

*) Изъ нашихъ замѣтокъ.

Разобраться въ своихъ богатыхъ наблюденіяхъ и матеріалахъ и познакомить съ ними возможно полнѣе и быстрѣе ученый міръ—вотъ та естественная задача, которая ожидала Григоровича въ Казани. До сихъ поръ это знакомство имѣло болѣе семейный характеръ, напр., въ Прагѣ, и ограничивалось немногими памятниками и вопросами*). Съ азартомъ, нетерпѣніемъ ждалъ ученый міръ выполнения этой роковой задачи, не выключая и роднаго Университета, который публично объявлялъ, что онъ ждетъ отъ Григоровича «изысканій важныхъ и любопытныхъ»**).

Но всеобщія страстные ожиданія не могли быть удовлетворены въ той мѣрѣ, какъ этого ждала наука и какъ этого, безъ сомнѣнія, желалъ самъ Григоровичъ. Въ своемъ казанскомъ заточеньѣ Григоровичъ наткнулся сразу на непреодолимые преграды — въ примитивныхъ средствахъ печати. Академія еще не открывала своихъ славянскихъ изданій, а единственный тогда ученый органъ для изданія славянскихъ текстовъ, буде онъ пожелалъ бы дать мѣсто, знаменитыя «Чтенія» Бодянского, только что были закрыты; а затѣмъ — послѣдовалъ вынужденный визитъ Григоровича въ Москву на смѣну опальному Бодянскому въ университетѣ, стоявшій ему трехъ лѣтъ безпокойства и тяжелыхъ волненій, а въ завершеніе всего — чрезвычайная строгость духовной цензуры послѣ 1848 г. Извѣстно, что знаменитое Остромирово Евангеліе, вышедшее еще до революціоннаго года, увидѣло свѣтъ только по личному вмѣшательству великаго святителя Москвы. Одинъ примѣръ: изданныя Григоровичемъ въ 1862 г. знаменитыя Паннонскія Службы лежали въ цензурѣ 10 лѣтъ. А сокровища Григоровича, ожидавшія на первомъ мѣстѣ своего выхода въ свѣтъ, все были тексты церковнаго языка.

Такимъ образомъ, въ то время какъ вниманіе образованнаго славянскаго міра было обращено на Казань, съ тревогою ожидали всѣ оттуда откровеній: обстоятельства мѣста и времени создали лично для Григоровича невыносимое положеніе. Но, не

*) Впрочемъ, о своихъ открытіяхъ въ Македоніи Григоровичъ читалъ небольшой рефератъ 26 ноября 1846 г. въ засѣданіи «Чешскаго Королевскаго Общества наукъ въ Прагѣ» («Královská Česká Společnost Náuk v Praze»), который Шафарикъ сейчасъ же помѣстилъ въ журналѣ Чешскаго Музея, 1847, I, в. V, 508—521.

***) Отчетъ за 1846—47 г., 28.

подозрѣвая ихъ, естественно, мало свѣдущій въ русскихъ отношеніяхъ Шафарикъ, какъ тѣнь или ревнивый любовникъ, изъ далекой Праги преслѣдовалъ Григоровича, добываясь отъ него его глаголиты. «Какъ бы вы, молитъ онъ друга Погодина (въ 1848), заставили Григоровича издать свои литературныя сокровища». «Что дѣлаетъ Григоровичъ съ своими рукописями, своими сокровищами?», спрашиваетъ онъ также почти въ каждомъ письмѣ*). Конечно, взаимности добиться не могъ. «Григоровичъ, жалуется онъ въ 1852 году, какъ бы намѣренно укутался въ мантию молчанія»**), и въ раздраженіи бросаетъ незаслужанный попрекъ вынужденному молчальнику, что онъ намѣренно утаиваетъ свои богатства, не желаетъ съ ними дѣлиться, сдѣлать ихъ извѣстными въ наукѣ***).

Шафарикъ не могъ ориентироваться въ своеобразныхъ условіяхъ тогдашней русской жизни, не могъ, конечно, понять положенія, души Григоровича. На неумолкаемый штурмъ изъ Праги Григоровичъ отталкивался, и сѣтованіе продолжалось. Впрочемъ кое-что было сообщено въ Прагу. Упрекамъ, заподозрѣваніямъ Шафарика счелъ полезнымъ вторить и Погодинъ въ Москвѣ, человекъ, который, во всякомъ случаѣ, могъ понимать положеніе дѣла, который самъ тогда же рекомендовалъ себя Шафарику (въ письмѣ отъ 20 февраля 1850), какъ «привыкшаго нѣсколько различать по примѣтамъ времена и лѣта», могъ разобраться въ обстоятельствахъ нашей темной жизни — во «временахъ тяжкихъ и мудреныхъ», какъ они обзывались иногда даже у того же Погодина (къ Шафарику, 2 августа 1850), и усугублялъ прекарность положенія неповиннаго Григоровича. «Письмо ваше къ Григоровичу, пишетъ онъ не безъ самодовольства Шафарику 8 апрѣля 1852 г., я отправилъ и старался всѣми силами пристыдить его за медленность и косность». Григоровичъ и — косность! Какая игра, иронія судьбы!...

Въ сознаніи своей чисто трагической безпомощности откликнуться желаннымъ дѣломъ на требованія науки и завершить свои монументальныя открытія своими работами — созданіемъ эпохи своего имени, Григоровичъ не могъ не выработать клас-

*) Переписка Погодина, 363, 370.

***) Тамъ же, 376.

****) Тамъ же, 379.

сическаго по смиренію для себя титула — «смиренаго гамала, носильщика науки», титула, который въ разныхъ перифразахъ («чернорабочій», «рядовой» и др.) повторяется у него до конца жизни. Но едва ли онъ самъ вѣрилъ въ справедливость прибраннаго имъ для себя чрезвычайнаго титула... Мы помнимъ хорошо сѣтованія пок. Срезневскаго, слышанныя нами лично, на посѣщенія у него Григоровича, какъ онъ передъ нимъ позволялъ себѣ садиться только на кончикъ кресла *)...

Переносясь въ тѣ времена и соображая указанные неблагословенныя для русской науки условія, мы можемъ глубоко

*) Сдержанно-вѣжливый и смиренный, надломленный, открываетъ Григоровичъ изъ своей казанской юдоли свою переписку, и вынужденную, съ Шафарикомъ—перешиску незначительную, всего два письма, отъ 1852 и 1857 годовъ. Приводимъ первое письмо цѣликомъ, какъ характерное и лично свидѣтельствующее о причинѣ невольнаго молчанія Григоровича на штурмъ изъ Праги, молчанія, которое на мѣстѣ готовы были признать знакомъ невниманія и даже того хуже—намѣреннаго игнорирования. «М. Г. Иосифъ Павловичъ! Съ прискорбіемъ долженъ повиниться въ медленности своей предъ Вами. Не переставая питать къ Вамъ самое искреннее уваженіе, не находилъ въ себѣ достойнаго Васъ повода, въ обстоятельствахъ возможности легко и безпріятственно писать къ Вамъ. — Труды Ваши, а также и другихъ ученыхъ, доходятъ до меня довольно поздно. Слѣжу однакожъ непрерывно за прекрасными успѣхами филологіи, глубже проникающей въ значеніе Церковно-славянскаго языка. Дай Богъ мнѣ быть хотя передателемъ столь прекрасныхъ изслѣдованій. Ничтожныя свои труды напечаталъ частію и буду продолжать печатать. Они будутъ касаться также Церковно-славянскаго языка. При трудности мнѣ представляющейся всегда вынужденъ искать случая доставить ихъ Вамъ чрезъ другихъ.— По желанію Вашему изготовилъ fac simile съ возможною точностію. Оно имѣло честь препроводить въ Академію Наукъ и просилъ о доставленіи Вамъ. Думаю, этимъ путемъ вѣрнѣе достигнетъ Васъ. Письмо Ваше 1849 г. достигло меня уже въ 1850, благодаря неисправности того, кому М. (ихиль) П. (егровичъ) (т. е. Погодинъ) поручилъ передать мнѣ. Тогда по независимымъ отъ меня обстоятельствамъ былъ въ переѣздахъ и долго не могъ устроиться. Вотъ почему не имѣлъ чести отвѣчать. — Находясь въ 800 верстахъ отъ Москвы, затрудняюсь и въ полученіи извѣстій и въ отвѣтѣ. Тѣмъ не менѣе буду стараться всегда отвѣчать желаніямъ Вашимъ и при этомъ пользоваться случаемъ свидѣтельствовать Вамъ глубокое уваженіе, съ которымъ нынѣ имѣю честь быть Вашимъ, М. Г., покорнѣйшимъ слугою В. Григоровичъ. 8 іюля 1852 г. Казань». — По видимому, Шафарикъ болѣе къ Григоровичу, не писалъ. Второе письмо Григоровича, уже на чешскомъ языкѣ, есть собственно препорученіе профессора г. Булича, уѣзжавшаго тогда за границу, въ Прагу. (Изъ нашего портфеля).

скорбѣть — что намѣреніе Востокова, этого воспріемника Григоровича при купели науки (какъ это мы видѣли выше), но заявленное имъ уже у порога смерти, именно Григоровичемъ замѣститъ себя, свое кресло, въ Академіи Наукъ, не имѣло мѣста раньше, лѣтъ десять назадъ, въ эпоху самую тяжелую для казанскаго слависта, когда онъ собирался открыть свои публикаціи. Встрѣченная теперь злою оппозиціей акад. Билярскаго, мысль Востокова тогда бы, вѣроятно, увѣчалась успѣхомъ. Какая же перспектива открывалась тогда для славянской науки? Если же Востоковъ остановился на Григоровичѣ, если онъ какъ бы завѣщалъ ему продолжать въ наукѣ себя: то намъ ли обосновывать права избранника Востокова на признаніе науки, права на благородную память потомства!... Высшаго признанія, какъ признаніе Востокова, въ научныхъ интересахъ извѣстнаго порядка, не можетъ быть *).

Итакъ, эпоха ожидавшихся крупныхъ дѣлъ для заточеннаго въ Казани крупнаго слависта сформироваться не могла. Но Григоровичъ остался Григоровичемъ, не коснымъ, а живымъ, и неблагоприятныя условія для дѣла изданія своихъ рукописей не воспрепятствовали ему по прежнему являться предъ наукой глашатаемъ крупныхъ мыслей, т. е. продолжать свой обычай.

Къ такимъ новымъ свидѣтельствамъ глубокаго ума Григоровича и пониманія имъ науки относятся его мысли о высокомъ

*) Не смотря на глубокое огорченіе, принесенное Григоровичу письмомъ самого Востокова съ извѣщеніемъ о фатальномъ исходѣ его предложенія, что ясно видно изъ раздражительныхъ замѣтокъ на поляхъ письма (это письмо Востокова, почти на порогѣ могилы, съ фотографическою точностію передававшее главнѣйшіе моменты судьбы его предложенія, мы читали приночной описи имущества Григоровича послѣ похоронъ, списать не успѣли, а гдѣ оно теперь?), Григоровичъ преклонился предъ глубокимъ критическимъ умомъ Билярскаго, чуждый мелкаго чувства. Однимъ чувствомъ—благотворнѣемъ проникнута его рѣчь у гроба Билярскаго, въ началѣ «бѣдняка, въ ученоемъ мірѣ сущаго сироты», рѣчь, съ жаромъ написанная и съ жаромъ, памятнымъ еще многимъ, произнесенная. Но одинъ упрекъ — о «мотивахъ» и мѣсто: «умирая, онъ сознавалъ гдѣ противорѣчія, въ которыя увлекла его ревность къ наукѣ, и заочно простился со всѣми», — мы позволяемъ себѣ понимать, какъ отголосокъ тѣхъ тяжелыхъ воспоминаній.

историко-политическомъ значеніи самаго языка св. Кирилла, этого историческаго объединителя въ нашемъ быломъ, въ то же время связующаго и возвышающаго насъ своею ролью въ исторической семьѣ арійскихъ народовъ, его мысли о начальномъ славянскомъ письмѣ, его попытка къ генетической систематизаціи церковно-славянской письменности, — его мысли объ изученіи церковно-славянскаго языка до появленія первой грамматики его. Небольшіе, но содержательные, всегда съ мыслью, эти труды основывались исключительно на келейномъ изученіи авторомъ своихъ сокровищъ. Въ этихъ работахъ, говоря его языкомъ, раскрывались новые виды для науки*). Для установки взгляда на нихъ достаточно указать, что исторія знаменитой теоріи Шафарика о славянскомъ письмѣ—о принадлежности глаголицы Св. Кириллу—идетъ отъ казанскихъ мыслей Григоровича**).

Мы видѣли, какъ давно уже глубокое знаніе Византіи отличало Григоровича. Открывши въ Вѣнѣ «Протоколы Константинопольскаго патріархата», Григоровичъ тогда же замѣтилъ, что «византійскіе источники исторіи славянъ еще не совсѣмъ исчерпаны***). Продолженное Григоровичемъ изученіе византій-

*) «Опытъ», стр. 97. Уже здѣсь, слѣд. еще въ 1842 году, онъ говоритъ о томъ, что славянское богослуженіе обняло всѣхъ славянъ, кромѣ прибалтійскихъ, что его языкъ — церковнославянскій — выразилъ сознание цѣлаго племени — о б щ е п л е м е н н о е. (Стр. 12, ср. 63).

***) Позволяемъ себѣ считать недоразумѣніемъ встрѣчающееся утверждение нѣкоторыхъ западно-славянскихъ славистовъ, напр. вѣнскаго профессора г. К. Иречка, что въ вопросѣ о старшинствѣ глаголицы къ Шафарика «присоединился Григоровичъ» («*Dějiny národa bulharského*», р. 383). Крайняя уступка, что оба ученые остановились на общей гипотезѣ и въ одно и то же время, только Шафарикъ позже провелъ ее далѣе. Изъ только что изданной переписки Шафарика съ пок. Кукуловичемъ-Сакцинскомъ въ Загребѣ видно, при какой нищенской научной обстановкѣ приходилось еще въ 1852 году работать ему въ области глаголицы, что самъ Шафарикъ тогда еще только вырабатывался въ глагольской палеографіи: знаменитую глагольскую надпись въ церквѣ св. Луціи онъ не въ силахъ былъ прочесть, хотя «и много времени потратилъ на нее», и объявилъ письмомъ ея не то криптографіей, не то письмомъ неизвѣстнымъ (*Časopis Mus. kr. Českého*, 1892, вып. I). Ср. и предисловіе въ «*Památkách*», 1853 года. Эта ученая переписка Шафарика съ хорватскимъ «глаголяшемъ» изъ мірянъ объясняетъ намъ его благородную жадность, которая заставила его преслѣдовать злополучнаго Григоровича неустаннымъ глагольскимъ штурмомъ и, неудовлетворенная, послать ему тяжелое заподозрѣніе.

***) «Отчетъ Казан. университета за 1846—47 г.», стр. 29.

цевъ и своихъ греческихъ памятниковъ въ періодъ тихой, но плодотворной, преподавательской дѣятельности въ Казани, или, выражаясь его языкомъ, дѣятельности «передавателя науки», вполне оправдало это замѣчаніе и стало отправною точкою для новаго направленія въ работахъ надъ исторіей южныхъ славянъ — о совмѣстномъ, но строгомъ, не романтическомъ, изученіи Византіи и православнаго Юга, стало требованіемъ научнаго построенія мѣстной исторіи.

Результатъ этихъ славяно-византійскихъ студій и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ модель для своихъ послѣдователей, Григоровичъ предложилъ въ рѣчи о Сербіи въ XIV столѣтіи, представители которой, въ періодъ самостоятельности, были «развращены всѣми пороками Византіи»*), а позже, въ эпоху турецкую, игрушкой въ рукахъ ловкаго ловца народовъ, іезуитской Австріи, этой ново-европейской Византіи. Если кто когда-либо напишетъ исторію многострадальнаго сербскаго народа, отъ XIV по XVIII столѣтіе, то именно по программѣ Григоровича, при его освѣщеніи событіи.

Наконецъ, Григоровичъ въ Одессѣ, которая видѣла его ребенкомъ и такъ своеобразно полюбилась ему, освящаетъ своимъ авторитетомъ науку въ новомъ ея питомникѣ, открываетъ, такъ сказать, науку Новороссійскаго Университета; но и въ этотъ, послѣдній, періодъ своей дѣятельности онъ является съ тѣмъ же творческимъ духомъ.

Какъ человекъ глубокаго гуманнаго образованія, Григоровичъ несся на Югъ, съ сладкими мыслями о томъ, какъ онъ наукою урегулируетъ угловатыя отношенія сосѣдей между собою, своихъ старыхъ, любимыхъ знакомцевъ: славянъ, грековъ, румынъ, сгладитъ ихъ взаимныя шереховатости. Въ этихъ интересахъ была написана имъ для Университета знаменитая первая актовая рѣчь — о Константинопольскомъ патріархѣ Николаѣ Мистикѣ, изъ начала X вѣка, о его сердечныхъ отношеніяхъ къ Болгаріи того времени: дѣлая предостереженіе по адресу

*) Свое воззрѣніе на то, что онъ называлъ византизмомъ, выработалось у него отъ начала, засѣло въ немъ глубоко — навсегда. Въ своемъ «Опытѣ» онъ характеризуетъ восточныхъ славянъ: «соединенные съ Византіей однимъ исповѣданіемъ, они не знали ея разврата» (стр. 79). Въ исторической Одесской молитвѣ къ Свв. Кириллу и Меодію, и на языкѣ ихъ, онъ молилъ объ охраненіи славянъ и отъ — византизма.

одной и другой враждующей стороны, историкъ какъ бы желалъ предупредить готовившуюся бурю, предварить схизму. Мечталъ онъ и о томъ, какъ пробудить въ Обществѣ Одессы и Юга широкія симпатіи къ мѣстнымъ изученіямъ, среди которыхъ ему грезилась возможность даже отыскать «лапидарные памятники» изъ эпохи до Кирилла, которые носились предъ нимъ уже давно, еще въ Казани, когда (въ 1852 г.) онъ высказался, что Кириллъ — изобрѣтатель глаголицы, и какъ новый свѣтъ озаритъ темные вѣка нашего Юга, исконнаго культурнаго питомца Византіи, объяснить «культурные вопросы о земляхъ, прилегающихъ къ Черному морю» (въ предложеніи о командировкѣ Билярскаго, въ 1866 г.). Много, много сладкихъ грезъ принесъ онъ съ собой въ свой новый Университетъ, съ много говорящимъ, дающимъ цѣлую программу, именованъ — «Новороссійскій», именованъ, которое мало общаго имѣетъ съ его вульгарнымъ титуломъ... Но онъ скоро разочаровался и горько сѣтовалъ на «поганное равнодушіе, приправленное проніей», на «испытанное жестокое отчужденіе», на разныхъ «благообразныхъ преемниковъ» печенѣговъ, половцевъ *). (Ср. «Изъ лѣтописи славянской» конецъ). Да, любопытно: повсюду: въ Дерптѣ, Москвѣ, Казани, его провожала любовь; изъ одной Одессы, с в о е й Одессы, онъ почти бѣжалъ... Но каково бы ни было его душевное состояніе, онъ не презрѣлъ завѣта науки, обѣта всей своей жизни, и работалъ, работалъ, самолично изслѣдуя географію края, его древности, его этнографію, языкъ, побуждая къ той же работѣ всякихъ людей малыхъ — духовныхъ, народныхъ учителей всего Новороссійскаго края.

Самая смерть застала Григоровича за попыткой открыть наукѣ доступъ къ наиболѣе замкнутому элементу Юга — къ старовѣрамъ, но которые въ глазахъ его были завидными обладателями славянской литературной старины...

*) Не перечислить всѣхъ этихъ клочковъ въ работахъ его одесскаго періода, но нельзя отказать въ артистическомъ подборѣ ихъ! Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: жирующие выходцы, взыскательные выходцы, корыстолюбивые потребители, опасные ловчіи достоянія своихъ согражданъ, образцовые потребители трудовъ ея воиновъ. Да, эти клочки — не случайные ярлыки, а какъ бы клейма. Нельзя не признать, что Григоровичъ былъ рѣдкимъ мастеромъ слова, если только надо было что-нибудь пригвоздить: сколько меткости, мысли, конечно, уже не добродушной. Да, хорошо памятенъ и эпитетъ — «избранникъ»...

Мм. Гг.!

Воскресилъ ли виновникъ сегодняшняго торжества, В. И. Григоровичъ, сокрытую во мракѣ былого жизнь, духъ нашего племени, его исторію, его слова, конечно, въ предѣлахъ, доступныхъ дѣятельности единичнаго человѣка, — на вопросъ этотъ, позволяемъ себѣ думать, исторія славянской науки можетъ дать одинъ отвѣтъ — положительный. Съ убѣжденіемъ исповѣдуемъ, что и половина того, что сдѣлано было для науки Григоровичемъ, была бы достаточна для увѣковѣченія въ потомствѣ памяти о немъ, объ этомъ возвышенномъ и благородномъ дѣятелѣ нашей земли, что духовный обликъ его долго и долго носиться будетъ предъ лицомъ грядущихъ поколѣній.

Позволяемъ себѣ думать, что какъ долго будетъ живъ хоть одинъ языкъ славянскій, не изсякнетъ признательное чувство къ виновнику сегодняшняго дня, а энергическій и симпатическій образъ отважнаго изслѣдователя и идеальнаго человѣка науки, окруженный ореоломъ трудового величія, пребудетъ источникомъ воодушевленія и подражанія для работниковъ науки среди нарастающихъ поколѣній, а въ самыхъ трудахъ ихъ — надежнымъ кормчимъ.

Имя избраннаго сына южно-русской земли, волею судебъ бездомнаго странника и почившаго даже смертью скудельничьей вблизи своей колыбели, крупными «рѣзами» начертано на страницахъ исторіи отечественной науки, въ трудную эпоху ея сложенія, а нашъ скромный памятникъ — дѣло мѣднаго, трудового гроша *) — будетъ скромно свидѣтельствовать, что если обыкновенно людскія отношенія регулируются тяжелымъ, но отъ вѣка соблюдаемымъ, правиломъ: нѣсть пророкъ безъ чести, токъмо въ отечествіи и въ рожденіи своемъ, — то тѣмъ не менѣе бываютъ и отрадныя уклоненія, что имѣетъ мѣсто временами и наступленіе моментовъ, которые отвѣчаютъ нравственному чувству и его умиряютъ.

Твердо вѣримъ, что къ скромному памятнику не заростетъ народная тропа, хотя въ виду его и нельзя еще произнести: «дѣлатель, достойный мзды своея»!...

*) Въ сооруженіи памятника принимали живое участіе многочисленныя народныя училища Бессарабской губерніи своими, буквально, копѣчными приношеніями.

Памятникъ В. И. Григоровичу

Θ. И. Успенскаго.

Въ концѣ 1876 года скончался въ Елисаветградѣ старый профессоръ, незадолго передъ тѣмъ получившій отставку. Нѣсколько благодарныхъ учениковъ и почитателей присутствовали при его погребеніи и отмѣтили деревяннымъ крестомъ его могилу. Послѣ умершаго остались книги, бумаги и др. предметы, представлявшіе нѣкоторую цѣнность, да сверхъ того много мыслей, разсѣянныхъ за долготѣнюю профессорскую дѣятельность въ разныхъ мѣстахъ, послѣднія впрочемъ не имѣли никакой цѣны на рынкѣ. Прошло послѣ того 16 лѣтъ, и вотъ нынѣ мы присутствовали при торжествѣ открытія памятника покойному профессору, а въ настоящее время собрались сюда и въ торжественномъ настроеніи готовимся почитать заслуги его. Что произошло въ теченіе періода отъ смерти упомянутаго профессора? Развѣ оказались за нимъ подвиги и доблести, о которыхъ прежде не знали?

Что придаетъ особенную знаменательность тому, что происходитъ на вашихъ глазахъ, Мм. Гг., это внутренній смыслъ всего торжества. Позвольте быть мнѣ истолкователемъ не всѣмъ доступныхъ явленій, которыя пришлось мнѣ наблюдать. Въ самомъ дѣлѣ, по смерти В. И. Григоровича случились замѣчательные факты. Когда онъ умеръ, когда уже тѣло его покоилось на елисаветградскомъ кладбищѣ, стали обнаруживать признаки реальной жизни тѣ самыя идеи, которыя онъ излагалъ изустно или записалъ на бумагѣ. Брошенные имъ мысли и слова начали вліять на дѣятельность его почитателей и учениковъ и направлять ихъ самосознаніе и внѣшнее поведеніе. Сила этого воздѣйствія мыслей и

идей Григоровича получила такое напряженіе, что неминуемо должна была выразиться во внѣшней формѣ. И мы, участники нынѣшняго торжества, находимся подъ вліяніемъ этой силы.

Итакъ, можно утверждать, что отличительный характеръ нашего торжества состоитъ въ признаніи жизненной силы за мыслями и идеями Григоровича. Съ одной стороны мнѣ представляется скромная фигура Виктора Ивановича, застѣнчиваго и робкаго въ сношеніяхъ съ людьми, не любившаго пышности и избѣгавшаго быть на виду, — съ другой вижу величественный образъ, который мы наблюдали сегодня на кладбищѣ. Этотъ второй образъ представляетъ Григоровича въ его обладаніи той нравственной силой, которая подобно драгоценному металлу удерживаетъ свою цѣнность независимо отъ моды. Григоровичъ былъ могучъ тѣмъ, что носилъ въ душѣ высокіе идеалы, что умъ его обилдовалъ живыми идеями. Самъ питая глубокую вѣру въ торжество идей правды и добра, онъ сообщалъ другимъ живую вѣру въ идеалы, — этимъ онъ привлекалъ къ себѣ учениковъ, въ этомъ же объясненіе смысла нынѣшняго въ честь его торжества и воздвигнутаго ему памятника.

Первая мысль о памятникѣ Григоровичу зародилась на мѣстѣ его погребенія, среди тѣхъ лицъ, которыя окружали его въ Елисаветградѣ. Но сколько добрыхъ намѣреній остается безъ исполненія и какъ часто самыя хорошія мысли встрѣчаютъ непреодолимыя препятствія на пути къ осуществленію! Здѣсь однако этого не случилось. Небольшая сумма, собранная на памятникъ, переходитъ отъ С. И. Турчанова къ его преемнику по должности, отъ М. Р. Завадскаго къ ректору Новороссійскаго Университета. Такъ проходитъ почти 15 лѣтъ. Казалось, память о Григоровичѣ съ годами должна забываться; но завѣщанныя имъ въ наслѣдство идеи поддерживали память о немъ и въ стѣнахъ Университета.

Въ 1890 году Новороссійскій Университетъ праздновалъ вмѣстѣ съ годовщиной своего основанія двадцатипятилѣтіе своей жизни и дѣятельности. Оглядываясь назадъ и дѣлая оцѣнку пережитаго періода, Университетъ не могъ не признать, что Григоровичъ былъ громадной силой, оставившей добрыя преданія, которыя и доселѣ живутъ въ Университетѣ. Эта мысль выра-

жена въ юбилейной актовѣ рѣчи, посвященной воспоминаніямъ о Григоровичѣ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе видныхъ представителей профессорскаго сословія за истекшій періодъ жизни Университета. Вскорѣ затѣмъ Историко-Филологическое Общество при Новороссійскомъ Университетѣ, считая вопросъ о памятникѣ Григоровичу уже довольно назрѣвшимъ, приступило къ организаціи силъ для этой цѣли. По ходатайству Г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ сборъ пожертвованій на памятникъ профессору Григоровичу въ Одессѣ, Казани и Москвѣ. Такимъ образомъ дѣло получило движеніе, и дань признательности къ заслугамъ покойнаго могла осуществиться въ желательномъ видѣ.

Успѣшное начало сопровождалось благопріятными послѣдствіями, разумно отзывчивость лицъ и учреждений на воззваніе филологическаго общества. Въ свое время будетъ напечатанъ отчетъ о сборѣ пожертвованій и потому здѣсь можно не касаться подробностей. Но не могу не остановиться на слѣдующемъ. Благодаря содѣйствію Г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, сборъ пожертвованій проникъ въ ту среду, участіе которой въ созданіи памятника придаетъ ему особенно симпатичный характеръ. Если бы въ пожертвованіяхъ не участвовали преподаватели сельскихъ школъ, которымъ Григоровичъ давалъ, какъ извѣстно, важное мѣсто въ будущей организаціи географическихъ и этнографическихъ изученій, то въ памятникъ не нашла бы выраженія совокупность идей Григоровича. Далѣе, если бы въ сборѣ отсутствовали двухкопеечные и трехкопеечные взносы, то памятникъ недостаточно бы выражалъ идею коллективности, на которой покойный такъ настаивалъ и которой приписывалъ громадное значеніе. Тѣ «тяглые люди», «бѣдные труженики» и «истые туземцы» — хранители преданій земли, къ которымъ онъ совѣтовалъ обращаться за собираніемъ свѣдѣній, внесли также свою лепту и тѣмъ придали памятнику новую черту соответственно эпитету, который, какъ извѣстно, Григоровичъ прилагалъ къ себѣ: «чернорабочій», «тяглый».

Въ спискѣ жертвователей болѣе видное мѣсто занимаютъ университеты: одесскій, казанскій и варшавскій, казанская духовная академія, затѣмъ среднія учебныя заведенія казанскаго, одесскаго и кавказскаго учебнаго округа. Елисаветграду принадлежитъ самостоятельное и почетное въ этомъ отношеніи мѣсто.

Мѣстный комитетъ по сбору пожертвованій проявилъ такую энергію, которая превзошла ожиданія общества. Считаю умѣстнымъ назвать здѣсь имена лицъ, содѣйствію и помощи которыхъ мы обязаны благопріятными результатами. Это попечители учебныхъ округовъ: Х. П. Сольскій, Н. Г. Потаповъ, К. П. Яновскій; профессора Н. А. Осокинъ и А. И. Смирновъ; протоіерей Ѳ. С. Еленевскій, А. Н. Пашутинъ и В. Н. Ястребовъ.

При живомъ сочувствіи, съ которымъ всюду встрѣчены были воззванія Историко-Филологическаго Общества, можно было бы довести сумму сборовъ до гораздо большей цифры. Но постигшее въ прошломъ году Россію бѣдствіе неурожая заставило приостановиться съ мѣрами къ усиленію сборовъ. Къ тому же Историко-Филологическое Общество разрѣшило покрыть изъ собственныхъ средствъ могущій оказаться недостатокъ суммъ на исполненіе памятника. Наконецъ, одесскій художникъ-скульпторъ Б. В. Эдуардсъ изъявилъ согласіе исполнить по одобренной модели всѣ работы по сооруженію памятника на такихъ условіяхъ, чтобы общество уплатило ему за матеріалъ и трудъ рабочихъ, а чтобы личный его трудъ, въ виду цѣли памятника, принятъ былъ безвозмездно.

Вотъ въ краткихъ чертахъ исторія происхожденія памятника В. И. Григоровичу.

Вы могли замѣтить, что въ этомъ дѣлѣ участвуютъ люди разныхъ общественныхъ положеній и состояній, начиная отъ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній и кончая преподавателями и учениками сельскихъ школъ. И тѣми, кто принималъ участіе въ пожертвованіяхъ, и тѣми, кто предлагалъ свою помощь или личный трудъ руководила одна мысль — уваженіе идей, которымъ служилъ и какія проводилъ въ жизни Викторъ Ивановичъ. Созданный нашими совокупными успіями памятникъ представляетъ результатъ коллективной работы лицъ, принадлежащихъ почти исключительно къ учебному вѣдомству.

Въ то время какъ здѣсь, въ этомъ провинціальномъ городѣ, память о Григоровичѣ достигла высшаго своего напряженія и матеріализовалась въ мраморъ, въ то время какъ мы чувствуемъ его въ нашемъ собраніи, доносятся изъ отдаленныхъ сферъ отвѣтные звуки на наше торжество. Старательными трудами почитателей Григоровича выдѣляются изъ подъ груды пыльныхъ

бумагъ высказанныя имъ слова и мнѣнія. Въ «Исторіи Казанской Духовной Академіи» нѣсколько страницъ, посвященныхъ Григоровичу, рисуютъ его волшебникомъ, очаровавшимъ академическое юношество лекціями по палеографіи. Въ послѣднихъ книжкахъ журнала «Славянское Обозрѣніе» помѣщены двѣ статьи, открывающія новыя симпатичныя черты въ дѣятельности Григоровича. — Словомъ, наше мѣстное торжество находитъ откликъ въ отдаленныхъ концахъ Россіи.

Въ чемъ же притягательная сила Виктора Ивановича? — Въ нѣкоторыхъ письмахъ, полученныхъ Историко-Филологическимъ Обществомъ отъ почитателей Григоровича, говорится, что покойный владѣлъ такимъ обаяніемъ, которое создавало ему своего рода культъ среди учениковъ. И это говорится не ради красоты слога. Безкорыстное служеніе наукъ, которую онъ ставилъ выше личныхъ интересовъ и которой отдавался безраздѣльно, возвышало его между товарищами по профессіи какъ жреца надъ толпой. Священный огонекъ, безъ котораго суетно званіе профессора, въ Григоровичѣ горѣлъ полнымъ блескомъ и сообщалъ его окружающимъ. Нося самъ въ душѣ высокіе идеалы, онъ удѣлялъ «изъ богатой сокровищницы сердца своего» благіе уроки и поученія и былъ изъ тѣхъ праведниковъ, заслуги которыхъ обезпечиваютъ царство науки отъ гибели.

Оцѣнивать значеніе Григоровича значитъ выяснять его идеи, въ которыхъ была его главная сила. Мы видѣли, напримеръ, что его лекціи по палеографіи въ казанской духовной академіи имѣли необыкновенный успѣхъ и оставили сильное впечатлѣніе. Какъ это понять? — Очевидно, профессоръ умѣлъ одухотворять сухіе и отвлеченные предметы, находить живое содержаніе тамъ, гдѣ другіе не видятъ ничего, кромѣ мертвца безжизненнаго матеріала. Идеи Григоровича частію уже обращаются среди его учениковъ и почитателей и сдѣлались общими до такой степени, что трудно прослѣдить ихъ родословную. Такова живая идея національности или народности, почерпнутая имъ въ изученіи славянской филологіи и литературы, придавшая громадный интересъ его изслѣдованіямъ въ этой области и одухотворившая его кропотливыя розысканія. Очень также богата послѣдствіями и выводами изъ нея идея типическихъ особенностей славянскаго племени и общечеловѣческихъ

идеаловъ, въ разработкѣ которыхъ славяне принимаютъ участіе. Христіанству и церковнославянскому языку онъ придаетъ значеніе устоевъ, которыми держится славянское племя. Христіанство, говоритъ онъ, какъ источникъ индивидуальнаго и народнаго просвѣщенія, поставило славянъ въ ряду народовъ трудящихся для челоѣчества, связавъ ихъ съ древними и новыми цивилизованными племенами. Церковнославянскій языкъ составляетъ залогъ непоколебимости и твердости нашихъ общественныхъ началъ, условіе славянской взаимности и стимулъ къ общечеловѣческому развитію. Это воззрѣніе на церковнославянскій языкъ и христіанство объясняетъ ту любовь и пылкость, съ которыми онъ разыскивалъ слѣды жизни и дѣятельности славянскихъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія. Въ высшей степени симпатична, далѣе, идея объ особенностяхъ русскаго просвѣщенія, которое должно давать мѣсто частнымъ направленіямъ и, не подавляя ихъ, возвышаться надъ ними, пробуждая высшія потребности. Поставивъ науку посредницей въ явномъ или скрытомъ спорѣ народностей, русское просвѣщеніе, говоритъ Григоровичъ, знаменуясь терпимостью, придастъ русскому языку ту необходимость, какую приобрѣли нѣкоторые европейскіе языки. Наконецъ, глубокое значеніе имѣетъ идея мѣстныхъ изученій, предлагаемая провинціальному Университету. — Мысли Григоровича въ этомъ направленіи и до сихъ поръ составляютъ еще возвышенный идеалъ.

Мы участвуемъ сегодня, Милостивые Государи, въ идейномъ торжествѣ, и этому нельзя не придавать громаднаго общественаго значенія. Въ профессорѣ Григоровичѣ насъ привлекаетъ именно то, что на рынкѣ не стоитъ въ высокомъ курсѣ: возвышенные идеалы, вѣра въ силу науки, гуманность. Въ нашъ вѣкъ эгоизма и господства матеріальныхъ интересовъ, которые угрожаютъ подавить проблески духовныхъ потребностей, торжествомъ въ честь профессора — идеалиста не возвышаемъ ли мы голосъ за утраченные идеалы? — Не дай Богъ, чтобы оскудѣла русская земля свѣтлыми идеями, чтобы изсякли онѣ въ особености въ той средѣ, гдѣ сосредоточивалась дѣятельность Григоровича, — въ нашихъ воспитывающихся молодыхъ поколѣніяхъ!

В. И. Григоровичъ и его значеніе въ исторіи русской науки.

А. И. Киртичникова.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ октябрѣ 1842 года ¹⁾, въ Казанскомъ университетѣ, на словесномъ факультетѣ происходилъ очень интересный магистерскій диспутъ. Магистрантъ былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, всего 27 лѣтъ отъ роду, но уже не новичекъ въ наукѣ: онъ успѣлъ побывать и поработать за границей ²⁾; еще въ 1840 г. онъ представилъ обширное кандидатское сочиненіе ³⁾, которое факультетъ, не смотря на противодѣйствіе одного изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ своихъ, призналъ не только вполне удовлетворительнымъ, но и достойнымъ печати, а въ слѣдующемъ 1841 году былъ напечатанъ въ «Ученыхъ Запискахъ» университета его трудъ: «Краткое обзорѣніе славянскихъ литературъ». Студенты-филологи, тогда довольно многочисленные, хорошо знали магистранта, такъ какъ онъ съ 1839 года, за отсутствіемъ профессора, преподавалъ имъ одинъ изъ основныхъ предметовъ факультета, греческій языкъ, знали его за человѣка несомнѣнно ученаго, страстно преданнаго наукѣ и ожидали диспута съ большимъ интересомъ. До нихъ дошли слухи, что профессоръ русской исторіи Ивановъ, человѣкъ очень

¹⁾ 11-го октября, см. Слав. Обзор., 1892 г., июль—августъ, стр. 246.

²⁾ См. Воспоминанія о Григоровичѣ проф. Успенскаго въ Лѣтописи Историко-филолог. Общ., т. I, стр. 20—21.

³⁾ Изслѣдованія о церковно-славянскомъ нарѣчій, основанныя на изученіи его въ древнѣйшихъ намятникахъ, и пр.

бойкій и самоувѣренный, извѣстный говорунъ и искусный диалектикъ и насмѣшникъ, намѣревается «отдѣлать» магистранта, который, при всей своей учености, отличался крайней ненаходчивостью, застѣнчивостью и робостью, говорилъ плохо и даже не совсѣмъ чисто порусски: онъ родился въ Юго-Западномъ краѣ, и хотя былъ воспитанъ въ православной вѣрѣ, но на польскомъ языкѣ: попольски говорилъ онъ въ семьѣ; исключительно попольски говорилъ онъ въ базилианской школѣ, гдѣ получилъ среднее образованіе. Профессоръ Ивановъ прекрасно зналъ слабыя стороны магистранта и, безъ сомнѣнія, былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ. Ивановъ встрѣчался съ нимъ въ Дерптѣ (гдѣ они вмѣстѣ учились) и даже былъ ему обязанъ: будущій магистрантъ, тогда еще дѣйствительный студентъ Харьковскаго университета, перевелъ диссертацию Иванова на латинскій языкъ; это было, можетъ быть, одной изъ причинъ нерасположенія Иванова къ молодому ученому: извѣстно, что самолюбивые люди иногда болѣе оскорбляются услугой, имъ оказанной, чѣмъ неприятностью, имъ сдѣланной. Ивановъ былъ тотъ самый вліятельный членъ факультета, который возсталъ противъ признанія кандидатской диссертациі молодого слависта. Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, онъ дѣйствовалъ не только изъ личной антипатіи, но также и изъ принципа. Ивановъ принадлежалъ, повидимому, къ числу тѣхъ скептическихъ умовъ, которые не любятъ никакихъ новшествъ въ наукѣ, часто потому, что сами слишкомъ мало работаютъ надъ нею, а молодой ученый выступилъ въ кандидатскомъ сочиненіи именно съ защитой (хотя и не безусловной) новшества: такъ называемой паннонскій теоріи; да и самая кафедра, которую готовился занять онъ, была въ то время тоже новшествомъ въ русскихъ университетахъ, и если она возбуждала особенно теплое сочувствіе въ лучшихъ, передовыхъ людяхъ, тѣмъ болѣе косились на нее люди отсталые и лѣнныя.

Еще болѣе оригинальнаго и новаго было въ той диссертациі, которую молодой славистъ долженъ былъ защищать въ октябрѣ 1842 г. Она называлась: «Опытъ изложенія литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ». Это было «первое ученое сочиненіе въ Россіи о славянской литературѣ съ точки зрѣнія славянской взаимности» ¹⁾, первая попытка «осмыслить отдѣль-

¹⁾ Котляревскій, Сочиненія, II, 396.

ные факты славянской истории и литературы и показать необходимость их и логическую последовательность¹⁾. Въ этомъ «опытѣ» не только русская и польская литературы разсматривались параллельно, какъ части одного цѣлаго, но и сопоставлялись литературные факты, принадлежащіе такимъ народностямъ, за которыми до сихъ поръ не признавали никакой литературы. Въ немъ самое понятіе литературы опредѣлялось поновому, и авторъ пользовался такимъ матеріаломъ, который до тѣхъ поръ совсѣмъ не считался литературнымъ, а развѣ только палеографическимъ. Понятно, почему проф. Ивановъ, который и мнѣніе Копитара считалъ продерзостнымъ, шелъ на диспутъ съ намѣреніемъ жестоко казнить новатора, а такъ какъ силы для борьбы были далеко неравныя, да и самое положеніе оппонента несравненно выгоднѣе, вполнѣ естественно, что и публика была заранѣе увѣрена въ посрамленіи молодого слависта.

Но на диспутъ произошло нѣчто совершенно неожиданное и, надо думать, до тѣхъ поръ не бывалое. Не то, чтобы магистрантъ обрѣлъ внезапно даръ слова и смѣлость; напротивъ, онъ путался и запкался, навѣрно, гораздо больше обыкновеннаго; не то, чтобы проф. Ивановъ проявилъ неожиданную кротость; напротивъ, онъ такъ и осыпалъ своего противника ядовитыми сарказмами... Но Ивановъ показывалъ свою діалектическую ловкость, придирался и острилъ, а магистрантъ говорилъ дѣло, и въ словахъ его была такая сила убѣжденія и въ доводахъ столько знанія и научной добросовѣстности, что, по словамъ очевидца, диспутъ окончился полнымъ торжествомъ магистранта и рѣшительнымъ пораженіемъ Иванова, и молодой славистъ «сразу завоевалъ себѣ уваженіе и симпатію студентовъ»²⁾.

Этотъ молодой славистъ былъ Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Фактъ, мною сейчасъ рассказанный, въ то время въ Казани, конечно, не обратилъ на себя ничего особаго вниманія важный въ личной жизни Григоровича, котораго удачный диспутъ ободрилъ къ дальнѣйшимъ работамъ въ томъ же направленіи, этотъ фактъ отдѣльно взятый, не представляется и теперь

¹⁾ Успенскій, 1, с., 19.

²⁾ «Древняя и Новая Россія», 1877 г., № 5, стр. 75, статья А. С.

крупнымъ историческимъ фактомъ, но, сопоставленный съ другими, онъ оказывается характернымъ признакомъ времени и является показателемъ новой ступени развитія нашего общества, моментомъ закрѣпленія серьезной науки въ русскихъ университетахъ.

Какъ извѣстно, на Руси наука была водворена главнымъ образомъ съ педагогическими цѣлями; были вызваны заграничные ученые, чтобы изъ російскаго юношества образовать

Собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ.

Понятно, что на первое время въ нашей некультурной странѣ умѣніе передать небольшое количество свѣдѣній должно было цѣниться выше, нежели обладаніе большими знаніями безъ умѣнія передать ихъ.

Исключительно съ педагогическими цѣлями основаны и первые русскіе университеты; отъ профессоровъ ихъ требовалось, конечно, солидное общее образованіе и достаточная подготовка по своему предмету, но не требовалось особенной глубины учености и упорно всю жизнь продолжающейся работы надъ спеціальностью. Если кто предъявлялъ большое усердіе къ наукѣ, копилъ библіотеку, печаталъ томы трудовъ своихъ, начальство, разумѣется, ничего не имѣло противъ этого и даже поощряло такого труженика наградами; но это вовсе не было обязательно: начальство, по крайней мѣрѣ, въ такой же степени цѣнило и награждало и такого профессора, который, составивъ при началѣ своей педагогической карьеры «курсъ», читалъ его изъ года въ годъ безъ измѣненія, а свое свободное время употреблялъ на труды чисто литературные или на исполненіе какихъ-либо административныхъ обязанностей. Часто профессоръ даже и курса не составлялъ, а прямо или излагалъ, или читалъ на лекціяхъ чужой учебникъ, и это не только никого не шокировало, но считалось самымъ простымъ и обычнымъ дѣломъ: въ XVIII в. и въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX-го профессора Московскаго университета обязаны были сообщать начальству, по какимъ именно руководствамъ читаютъ они свои предметы.

При такомъ положеніи дѣлъ нечего и удивляться, что одинъ и тотъ же профессоръ могъ преподавать русскую словесность, и высшую математику, и латинскій языкъ, и это было вполнѣ естественно, когда въ университетъ въ большинствѣ случаевъ

поступали почти мальчики, которымъ о серьезной наукѣ нечего было и думать. Припомнимъ, что Григоровичъ окончилъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ 18 лѣтъ отъ роду, то есть въ томъ возрастѣ, который теперь считается среднимъ для ученика послѣдняго класса гимназій.

Но вотъ въ 30-хъ годахъ наши четырехклассныя гимназій преобразовываются въ семиклассныя, курсъ преподаванія въ нихъ значительно расширяется. Студенты теперь въ состояніи работать болѣе самостоятельно, и хотя очень немногіе пользуются этою возможностью, а большинство довольствуется исполненіемъ минимума своихъ обязанностей, т. е. усвоеніемъ профессорскихъ лекцій, все же въ общемъ замѣчается значительный прогрессъ. Этотъ прогрессъ прежде всего сказывается въ томъ, что студенты начинаютъ критически относиться къ формѣ преподаванія, и ихъ критика далеко не безразлична и для самихъ профессоровъ. Никто ужъ не читаетъ по учебнику, и всякій, кто дорожитъ вниманіемъ и расположеніемъ слушателя, считаетъ нужнымъ обдумывать и обдѣлывать свои лекціи и придавать имъ цѣльность и, по возможности, изящество.

Краснорѣчиваго профессора, читающаго живо, картинно, охотно слушаютъ студенты всѣхъ факультетовъ и курсовъ, а если онъ затрогиваетъ жизненные общіе вопросы и разрѣшаетъ ихъ въ духѣ передовыхъ идей, его любятъ, имъ гордятся и объ его лекціяхъ всѣ вспоминаютъ въ послѣдствіи съ глубокой благодарностью, какъ о лучшихъ минутахъ золотой поры своей жизни, своего студенчества.

Но студенты въ общемъ были недостаточно подготовлены, слишкомъ мало и поверхностно работали въ университетѣ для того, чтобы судить, съ какимъ количествомъ научнаго багажа является профессоръ, на сколько самостоятельны и оригинальны его лекціи, на сколько силенъ онъ, какъ критикъ и изыскатель истины. Можетъ быть, весь ученый аппаратъ его курса состоитъ изъ двухъ-трехъ скорѣе бойкихъ, чѣмъ серьезныхъ книгъ; можетъ быть, красивыя картины, имъ воспроизводимыя, не соответствуютъ дѣйствительности, факты, имъ сообщаемые, — только пикантные анекдоты, обобщенія — произвольны, тирады о мировыхъ вопросахъ взяты имъ на прокатъ; можетъ быть, его сближенія съ современностью именно свидѣтельствуютъ о полномъ непониманіи имъ отдаленнаго прошлаго. Что кому за дѣло?! Все

это красиво и привлекательно, а, стало быть, и сильно дѣйствуетъ на слушателей; они съ восторгомъ поглощаютъ это легкое и пріятное кушанье, а на кухню не заглядываютъ и не желаютъ знать, изъ какого матеріала оно приготовлено. Красота формы и общія идеи — вотъ что было единственнымъ критеріумомъ достоинства профессора не только для студентовъ, но и для общества, которое именно въ это время все больше и больше интересуется университетомъ. Да и могло ли быть иначе? Это былъ періодъ эстетики и общихъ идей; это былъ періодъ, когда философская мысль, оказавшая такъ много услугъ цивилизаціи, но теперь готовившаяся уступить свое мѣсто положительной наукѣ, ярко блеснула въ послѣдній разъ; это былъ періодъ, когда всякій молодой ученый, вѣхавшій за границу, хотя бы съ цѣлью заниматься полицейскимъ правомъ, финнскіими древностями или токсикологіей, направлялся прежде всего въ Берлинъ послушать Гегеля. И кто скажетъ, что школа Гегеля была совсѣмъ таки бесполезна для этихъ токсикологовъ и полицейстовъ?

Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что, при такомъ взглядѣ на дѣло, серьезной наукѣ не было надлежащаго мѣста въ русскихъ университетахъ; а между тѣмъ лучшіе умы чувствовали въ ней потребность, работали надъ ней и только поневолѣ мирились съ тѣмъ, какъ къ ней относились студенты и общество. Если честный и усердный работникъ случайно соединялъ съ глубокимъ знаніемъ и страстью къ истинѣ талантъ изложенія, ему прощали за этотъ талантъ серьезность его лекцій, но только прощали; большинство же истинныхъ «ученыхъ» не пользовалось популярностью и работало исключительно въ тиши своихъ кабинетовъ не для современниковъ, а для потомства.

Конечно, это должно было измѣниться, и случай, рассказанный мною, диспутъ, съ котораго начинается самостоятельно научная карьера Григоровича, есть одинъ изъ характерныхъ фактовъ, можетъ быть, самый характерный, указывающій на этотъ поворотъ въ жизни нашихъ университетовъ; положимъ, университетская молодежь и въ тридцатыхъ годахъ, и прежде нихъ, всегда имѣла инстинктъ, который давалъ ей возможность отличать истинное знаніе и любовь къ наукѣ отъ фразерства и остроумія; положимъ, и прежде пользовались ея уваженіемъ и сочувствіемъ нѣкоторые труженики науки, но, во-первыхъ, то

было въ Москвѣ, въ Петербургѣ, и, во-вторыхъ, эти труженники должны были имѣть и какія либо высшія достоинства, и уваженія достигали они постепенно, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ преподаванія; часто студенты оцѣнивали ихъ только впоследствии, по окончаніи курса; къ молодымъ студентамъ, начинающимъ, это уваженіе переходило по традиціи. Здѣсь же мы видимъ не то: Григоровичъ еще слишкомъ молодъ для того, чтобы выказать преподавательскія способности на немногихъ лекціяхъ, имъ прочитанныхъ, да еще по чужому предмету; высшія условія у него самыя неблагопріятныя: робость, заиканіе, плохая русская рѣчь; предметъ диссертациі мало понятенъ даже членамъ факультета; противникъ опытенъ, находчивъ, остроуменъ, пользуется большою извѣстностью, преподаетъ популярный, модный предметъ — русскую исторію; дѣло происходитъ въ отдаленной Казани, гдѣ студенты, конечно, хуже подготовлены и менѣе развиты, чѣмъ въ столицахъ. И при всѣхъ этихъ условіяхъ «диспутъ закончился полнымъ торжествомъ Григоровича». Научная правда, истинное знаніе, смѣлость мысли и въ отдаленной Казани побѣдили фразерство и остроуміе. Конечно, въ этой побѣдѣ многое нужно отнести на счетъ времени, на счетъ наступающей зрѣлости университетскаго общества, но, чтобы эта зрѣлость могла проявиться, «Григоровичу надо было быть ученымъ изъ ряду вонъ».

Что зрѣлость общества только наступала, видно изъ словъ того же очевидца, который разсказалъ намъ о диспутѣ. Магистръ Григоровичъ сейчасъ же открылъ курсъ по славянскимъ нарѣчіямъ. Слушателей у него было немного, дѣйствительно занимающихся между ними и того меньше, хотя молодой профессоръ дѣлалъ все съ своей стороны, чтобъ заохотить ихъ къ дѣлу: онъ втеченіе одного года познакомилъ ихъ и съ этнографіей, и съ исторіей славянскихъ племенъ, и съ главными особенностями важнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій; онъ переводилъ съ ними отрывки изъ народной поэзіи и охотно снабжалъ ихъ книгами изъ своей бібліотеки.

Что Григоровичъ былъ ученый, выдающійся и по страстной любви къ наукѣ, и по энергіи, и по таланту, видно изъ всей его послѣдующей дѣятельности. Магистерская степень въ то время давала право на полученіе всѣхъ высшихъ университетскихъ почестей, такъ какъ докторство было обставлено такими

условіями, что его искади весьма немногіе, а большинство числилось исправляющими должность ординарныхъ профессоровъ вплоть до самой отставки. Магистръ Григоровичъ имѣлъ полную возможность опочить на лаврахъ, получить ординатуру, жестоко отомстить своему бывшему противнику и, если угодно, съѣздить на годъ, на два, въ Берлинъ, въ Вѣну, въ Парижъ, отдохнуть и посмотрѣть Европу. Извѣстно, что Григоровичъ поступилъ не такъ; онъ, правда, усиленно хлопочетъ о заграничной командировкѣ и скоро на два съ половиной года покидаетъ Казань, но не для отдыха и не для наслажденія Европой, а для ученаго мученичества, которое мало чѣмъ легче и безопаснѣе путешествія во внутренность Африки. Вы слышали сегодня на могилѣ Григоровича, какіе богатые результаты для излюбленной имъ научной области принесъ этотъ подвигъ. Вы знаете, что съ Балканскаго полуострова вернулся Григоровичъ съ массой свѣдѣній и массой документовъ, добытыхъ изъ первыхъ рукъ, и вернулся не для того, чтобы отдыхать, а для того, чтобы работать изъ всѣхъ силъ и работать не только для науки, но и для своихъ слушателей. Въ какихъ отношеніяхъ стоялъ съ ними этотъ теперь уже извѣстный ученый, уважаемый Шафарикомъ и другими звѣздами славяновѣдѣнія, мы узнаемъ изъ разсказа того же его казанскаго слушателя, который сообщилъ намъ объ его диспутѣ: «Григоровичъ, — говоритъ онъ¹⁾, — привлекалъ къ себѣ студентовъ необыкновенной въ то время простотой обращенія съ ними, чисто товарищеской близостью къ нимъ. Это рѣзко отличало его отъ другихъ тогдашнихъ профессоровъ, которые большею частію держали себя по отношенію къ студентамъ чисто по-начальнически. Въ опредѣленные дни мы собирались у него запросто. Онъ принималъ всякаго приходящаго къ нему студента радушно, снабжалъ его книгами, давалъ совѣты въ занятіяхъ, съ полною готовностью дѣлалъ для него все, что могъ сдѣлать».

Почти двадцать пять лѣтъ проработалъ Григоровичъ въ Казани: въ университетѣ, въ духовной академіи и въ обществѣ любителей словесности, и образовалъ тамъ цѣлую школу ученыхъ; на сколько помнитъ его Казань до сихъ поръ, черезъ

¹⁾ «Древняя и Новая Россія», I. с., стр. 76.

27 лѣтъ послѣ его выѣзда оттуда, вы знаете: вы сейчасъ слышали, какое горячее участіе принимала она въ устройствѣ ему памятника.

Въ 1865 г. съ открытіемъ Новороссійскаго университета Григоровичъ является работать къ намъ на югъ. Ему уже 50 лѣтъ, но энергія у него та же, что и при началѣ его карьеры, та же беззавѣтная любовь къ наукѣ и та же умственная свѣжесть; на новой землѣ онъ самъ дѣлается новымъ человѣкомъ, измѣняетъ направленіе своихъ занятій: изъ филолога становится географомъ, этнографомъ и археологомъ.

Между вами, господа, есть нѣсколько непосредственныхъ учениковъ Григоровича и еще большее число лицъ, которыя хорошо помнятъ его; вы и сейчасъ услышите о немъ, какъ о профессорѣ, живое слово отъ одного изъ его благодарныхъ слушателей. Я же только позволю себѣ выразить то общее впечатлѣніе, какое производятъ устные и печатные «разказы очевидцевъ» на насъ, новыхъ членовъ той все еще молодой университетской семьи, для подъема и упроченія которой такъ много сдѣлалъ Григоровичъ.

Говорятъ, что подъ земною корою есть такіе пласты, въ которыхъ органическое тѣло сохраняетъ всѣ краски, всю свѣжесть свою, хотя бы оно пролежало тамъ цѣлыя столѣтія. Для истинныхъ своихъ адептовъ, всецѣло себя ей отдающихъ, наука есть именно такой пластъ, сохраняющій человѣку вѣчную юность, и нравственный обликъ Григоровича, какъ онъ рисуется въ разказахъ его студентовъ, чрезвычайно яркое тому доказательство. Съ юношеской энергіей носится почти 60-лѣтній старикъ по степямъ и балкамъ Новороссіи, пристаётъ съ распросами къ мѣстнымъ жителямъ, роется въ архивахъ и сидитъ мѣсяцами надъ такими рукописями, о научномъ значеніи которыхъ не подозрѣвалъ никто другой, не подозрѣвалъ и онъ самъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Какъ совсѣмъ юный доцентъ, чуть не вчера соскочившій съ университетской скамьи, добытыми открытіями онъ дѣлится прежде всего со своими студентами, не взирая на то, на сколько они подготовлены къ такимъ открытіямъ; онъ всегда готовъ бесѣдовать съ своими студентами до глубокой ночи (не смотря на свою привычку рано ложиться спать), готовъ раздать имъ чуть не всю свою бібліотеку; въ каждомъ студентѣ, который, что называется, ударилъ палецъ

объ палецъ, онъ видитъ «молодаго спеціалиста», «молодаго ученаго», гордится его крохотными успѣхами, будто невѣсть какими открытіями. Студенты — семья его; у него нѣтъ другой; съ ними дѣлится онъ и горемъ и радостью; имъ сообщаетъ онъ самыя интимныя мысли свои и намѣренія; съ ними и на лекціи говоритъ онъ просто, ясно и живо. Онъ совсѣмъ другой человѣкъ, когда выходитъ къ «чужимъ», въ публику; только тамъ у него напускной пафосъ, возвышенная темнота слога, не естественный голосъ съ повышеніями и пониженіями и до смѣшнаго театральные жесты; только тамъ у него это «смиреніе паче гордости», тамъ вѣчное подчеркиваніе своего черноробочаго ничтожества, тамъ у него наивное, полудѣтское лицемѣріе и чинопочитаніе, основы котораго, вѣроятно, были вынесены имъ изъ католической монашеской школы и укрѣплены суровыми испытаніями конца сороковыхъ годовъ.

Чисто поюношески мечтаетъ Григоровичъ о задачахъ румыно-византійскаго славяновѣдѣнія въ Одессѣ въ 1860 г., мечтаетъ объединить изъ нашей красавицы юга весь юго-восточный уголъ христіанской Европы, создать литературно-ученый органъ¹⁾, чисто поюношески же онъ приходитъ въ отчаяніе отъ первыхъ неудачъ въ пшеничной коммерческой Одессѣ, отъ недостатка солидарности между болгарскими и сербскими купцами Одессы.

Но молодость тѣмъ и хороша, что ея огорченія проходятъ скоро и скоро замѣняются новыми восторгами. Такъ и Григоровичъ на шестомъ десяткѣ лѣтъ переходитъ отъ одного восторга къ другому: не удался журналъ, онъ восторгается славянскимъ обществомъ, своими этнографическими и археологическими изысканіями, архивомъ генеральнаго штаба, своими лекціями и «молодыми учеными», ихъ слушающими, восторгается постоянно и непрерывно.

Прослуживъ 10 лѣтъ, Григоровичъ разстался съ университетомъ и студентами, разстался и съ значительной частью своихъ рукописей, которыя онъ любилъ почти также, какъ и студентовъ, онъ удрученъ и угнетенъ до послѣдней возможности, и жизнь, повидимому, тернеть всякій смыслъ для него. Но вотъ въ немъ крѣпнетъ идея переселиться въ Елисаветградъ, центральный въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи

¹⁾ Успенскій, I. с., 36.

пунктъ Новороссіи и при этомъ истинно - русскій городъ, свободный отъ пшеничнаго коммерческаго духа полуиностранный Одессы. Здѣсь, освободившись отъ служебныхъ обязанностей и мелочныхъ заботъ, будетъ онъ подводить итоги своимъ почти 40-лѣтнимъ трудамъ; отсюда будетъ онъ дѣлать экскурсіи во все концы южной Россіи, рыться и въ землѣ и въ архивахъ и въ памяти человѣческой и собирать новый матеріалъ, тесать новые крѣпкіе камни для великаго зданія. Но здѣсь неожиданно для всехъ смерть скосила этого старца - юношу.

Нынѣшній день — яркое, безусловно убѣдительное доказательство того, какое огромное значеніе имѣлъ Григоровичъ для научной культуры всего нашего края. Одесскому университету, центру этой культуры, въ первый періодъ его дѣятельности нужны были съ одной стороны юныя, свѣжія силы, съ другой — крупныя имена, крупныя ученые заслуги, выдающіяся знанія для того, чтобы на первое время поставить дѣло, какъ слѣдуетъ, пріобрѣсти довѣріе общества; нужны были профессора, которые, не гордясь передъ студентами, могли вести ихъ впередъ, какъ старшіе товарищи, могли работать вмѣстѣ съ ними, возбуждать въ нихъ любовь къ дѣлу черезъ дружбу къ себѣ; съ другой стороны, нужны были профессора съ громкими именами, съ большою опытностью, съ развитымъ, испытаннымъ методомъ, съ великими идеями, наконецъ. Григоровичъ былъ и тѣмъ и другимъ въ одно время, оттого - то и легъ онъ, какъ краеугольный камень, въ основаніи Новороссійскаго университета и для этого юнаго учрежденія создалъ славное прошлое.

Но Григоровичъ, написавшій такъ мало, что все его статьи легко помѣстятся въ два небольшихъ тома, всю жизнь только собиравшійся «подвести итоги», создать большой трудъ, не есть мѣстная казанско - одесская знаменитость. Онъ имѣетъ огромное значеніе и во всероссійской наукѣ.

Уроженецъ Московской округи, воспитанникъ Московскаго университета 60-хъ годовъ, я никогда въ глаза не видалъ Григоровича, но я слышу объ немъ чуть не съ перваго дня поступленія въ университетъ. Незабвенные учителя наши Буславъ и Тихонравовъ говорятъ о немъ съ глубокимъ уваженіемъ и симпатіей не только какъ о знаменитомъ славистѣ, но и какъ объ одномъ изъ первыхъ знатоковъ древне - русской письменности и народной поэзіи; старшіе товарищи рассказываютъ намъ чу-

деса о томъ, какъ Григоровичъ собиралъ свою коллекцію рукописей; въ этихъ полумистическихъ разсказахъ Григоровичъ до поразительности напоминаетъ тѣхъ гуманистовъ XV вѣка, которые изъ глубины монастырскихъ подваловъ извлекали на божій свѣтъ забытыхъ классиковъ, не останавливаясь для этой благородной цѣли ни передъ какими трудами и лишениями, ни даже передъ благочестивымъ обманомъ невѣжественныхъ владѣльцевъ - губителей этихъ сокровищъ.

Стали мы, что называется, подниматься въ научномъ отношеніи на ноги, то - есть стремиться дополнять лекціи своей работой, — одна изъ первыхъ книгъ, которую рекомендуютъ намъ для серьезнаго чтенія: «Очеркъ путешествія по Европейской Турціи», того же Григоровича; изъ нея прежде всего знакомимся мы со смысломъ такихъ страшныхъ словъ, какъ хрисовулъ, идіоритмъ, типикарница и проч.; изъ нея узнаемъ мы, какія новыя америки для изслѣдователей старины скрываются на Балканскомъ полуостровѣ и какъ много можетъ сдѣлать даже одинокій хорошо подготовленный и энергичный путешественникъ; сквозь сжатый до лаконизма слогъ «Очерка», напоминающій слогъ древнихъ связзпій, намъ рисуется могучій образъ этого пионера науки, и мы мечтаемъ идти толпою по его слѣдамъ. Когда мы въ концѣ курса готовимся работать по рукописямъ, мы постоянно слышимъ о четвероевангеліи Григоровича, о листкахъ Григоровича, о Паремейникѣ Григоровича, и мы, московскіе студенты, которымъ открыты коллекціи графа Румянцева и Синодальной бібліотеки, завидуемъ казанцамъ и одесситамъ...

Не многочисленны и не обширны научные труды Григоровича, но они все безъ исключенія безусловно самостоятельны и глубоко проникнуты единствомъ оригинальнаго, научнаго міровоззрѣнія. Скромный провинціальный профессоръ яснѣе, чѣмъ большинство его столичныхъ братьевъ и академиковъ, сознаетъ особыя задачи русской науки: въ то время, какъ одни изъ нихъ расширяютъ до безконечности ея предѣлы, сливая ее съ наукой европейской, гдѣ она, безъ сомнѣнія, затеряется по своей молодости, другіе слишкомъ суживаютъ ее, заставляя работать только надъ своимъ, туземнымъ, и тѣмъ лишая ее главнаго орудія для добыванія истины, сравненія, — Григоровичъ въ изученіи Византіи и славянства указываетъ ей обширное и плодотворное поле, предоставленное ей если не въ исключительное, то

въ преимущественное пользованіе самой исторіей, и всякимъ ударомъ своей искусной руки въ эту почти дѣвственную почву открываетъ для наслѣдниковъ цѣлыя скрытыя сокровища. Григоровичъ вмѣстѣ съ Буслаевымъ и другими лучшими умами своего времени есть основатель научнаго, историческаго славянофильства въ противоположность московскому славянофильству полуфилософскому, полупоэтическому.

Григоровичъ любилъ называть себя чернорабочимъ науки; онъ былъ дѣйствительно чернорабочимъ въ противоположность бѣлоручкамъ, которые сами не умѣютъ или не хотятъ добывать факты, а умѣютъ только краснорѣчиво излагать и обобщать добытые другими. Онъ чернорабочій въ томъ смыслѣ, въ какомъ можетъ быть названъ чернорабочимъ всякій истинный мастеръ, который умѣетъ самъ и матеріалъ приготовить, самъ и планъ составить, самъ и исполнить его. Такъ и Григоровичъ умѣлъ самъ и найти фактъ и оцѣнить его и указать ему мѣсто въ общей схемѣ, имъ же созданной. Коротче сказать: онъ чернорабочій въ томъ смыслѣ, въ какомъ долженъ быть чернорабочимъ всякій великій ученый.

Площади и сады большихъ городовъ Запада украшены памятниками знаменитыхъ ученыхъ всевозможныхъ специальностей; тѣмъ же способомъ чтимъ и мы память своихъ законодателей, государственныхъ людей, полководцевъ. Послѣ открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, послѣ похоронъ Достоевскаго, Тургенева, никто не назоветъ насъ благодарными къ памяти нашихъ великихъ поэтовъ. Но общественныхъ памятниковъ ученыхъ, которые не были въ то же время извѣстными писателями или основателями благотѣльныхъ учрежденій, у насъ, сколько знаю, еще нѣтъ. Это первый случай и, смѣло можемъ надѣяться, далеко не послѣдній.

Честь и слава Григоровичу, который и изъ-за гроба поднимаетъ наше самосознаніе! Честь и слава жертвователямъ! Честь и слава городу, который кладетъ первый камень для пантеона русской науки.

Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ, какъ о преподавателѣ

А. И. Маркевича.

Памятникъ воздвигнутый моему знаменитому наставнику В. И. Григоровичу и такъ живо его мнѣ напомнившій, невольно перенесъ мое воображеніе въ отдаленное уже, но тѣмъ болѣе дорогое для меня прошлое; невольно припоминается мнѣ небольшая аудиторія родного университета, съ болѣе чѣмъ скромною обстановкою; на скамьяхъ — нѣсколько студентовъ-славистовъ или любителей славяновѣдѣнія. Раннее утро; сѣрый денекъ; товарищи еле перекидываются словами, и какъ-то тоскливо на душѣ, особенно если плохо выспался послѣ долгихъ вечернихъ занятій... Вдругъ слышны торопливые шаги, съ размаху отворяется дверь и въ аудиторію полувбѣгаетъ профессоръ, мощная фигура котораго какъ-бы наполняетъ аудиторію. Онъ останавливается передъ скамьями, не всходя на кафедру, и студенты видятъ передъ собою красивое, хоть и не молодое лицо, возвышенный лобъ, слегка прищуренные глаза, умѣющіе однако бросать на слушателей орлиные взгляды. Крупная, но подвижная фигура профессора всегда облечена въ форменный сюртукъ, на шеѣ крестъ — такимъ Григоровичъ, какъ живой, и изображенъ на памятникѣ! Нервно, хотя и негромко начинается онъ свою лекцію; но уже съ первыхъ его словъ вниманіе слушателя къ ней вполне приковано. Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣчь становится все оживленнѣе и оживленнѣе, громомъ наконецъ раздается она по аудиторію, — и чувствуется, что профессору тѣсны ея размѣры, что аудиторія ему нужна болѣе широкая, общерусская; еще дальше идетъ лекція — и слушатель, подавленный впечатлѣніями, начинаетъ сознавать, что для этого профессора тѣсны рамки, доставляемыя условіями вообще русской науки того времени, и настоящей его аудиторіей должно было бы быть все культурное общество; только такой большой публикѣ по плечу тѣ ученія,

которые, можно сказать, проповѣдывались Григоровичемъ и которые онъ излагалъ предъ скромной аудиторіей, безпредѣльно его любившей, но, увы! не всегда его въ должной мѣрѣ понимавшей. Въ воображеніи слушателя въ Григоровичѣ сквозь его современную наружность неволью рисовался величавый образъ какого-либо знаменитаго византійскаго проповѣдника или, еще лучше, стариннаго славянскаго ученаго въ родѣ Іоанна Гуса, Аммоса Коменскаго, приносящаго всю свою страдальческую жизнь дѣлу распространенія гуманныхъ идей въ человѣчествѣ и вѣрящаго въ торжество правды еще на этомъ свѣтѣ.

Нѣтъ уже цѣли говорить о научномъ значеніи трудовъ В. И. Григоровича. Какъ онъ ни укрывался за прозвища: черно-рабочаго въ наукѣ, или ученаго архиваріуса, — названіе русскаго Шафарика стало для него символическимъ. Но и воспитатель онъ былъ не менѣе, если не болѣе выдающійся. Не то я имѣю въ виду, что слушатели его знали славянскія нарѣчія (хотя это дѣйствительно предметъ не легкій для изученія и Григоровичъ преподавалъ его превосходно), славянскій языкъ или литературу. Никогда не чувствовали наши университеты, и Новороссійскій въ числѣ ихъ, недостатка въ опытныхъ преподавателяхъ; но у Григоровича было удивительное умѣнье привлечь студента къ занятіямъ любимымъ предметомъ. Съ одной стороны громадныя знанія и ученый авторитетъ, дававшіе возможность всегда руководить учащимся и помочь ему, съ другой — умѣнье показать все значеніе славяновѣдѣнія, изъ уроковъ прошлаго вывести программу для будущаго, и именно въ тѣхъ сторонахъ жизни — національныхъ, экономическихъ, которыми въ наше время интересовались наиболѣе живые и воспримчивые студенты, крѣпкая вѣра въ идеалы — вотъ что было особенно дорого въ Григоровичѣ. Не сознавшій еще прелести научныхъ занятій и переживавшій зачастую умственный и нравственный кризисъ, студентъ могъ принести къ Григоровичу свои недоумѣнія, свою душевную борьбу относительно самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни и зналъ, что Григоровичъ пойметъ его, не посмѣется надъ нимъ, признаетъ важность и своевременность этихъ жгучихъ вопросовъ, не согласится, положимъ, со студентомъ въ ихъ рѣшеніи, но не укроется отъ злобы дня на ледяныя выси чистой науки. Григоровичъ оказывался знакомымъ, и даже болѣе основательно, чѣмъ студентъ, съ тѣми авторами, которыхъ идеи

волновали въ наше время общество, и хотя не соглашался съ ними и опровергалъ ихъ ученія, по отношенію не относился къ нимъ съ тѣмъ презрительнымъ пренебреженіемъ, которое въ такихъ случаяхъ не производитъ на юношей ровно никакого впечатлѣнія.

Какъ опытный человѣкъ, Григоровичъ мало интересовался въ сущности общими взглядами своихъ учениковъ, хорошо зналъ, что развѣ рѣдкій изъ нихъ въ будущемъ не повторитъ съ Сенекою (Epist. 108, 15), что, возвращенный жизнью къ общепринятымъ обычаямъ, онъ удержалъ немного изъ рѣшеній своей юности. Гораздо важнѣе было для Григоровича выяснить себѣ силы и способности слушателя и затѣмъ заинтересовать его своимъ предметомъ, привлечь его къ работѣ, заставить его полюбить трудъ. Но этого мало? Какъ въ широкаго развитія люди, Григоровичъ понималъ, что особенно плодотворенъ тотъ трудъ, который носитъ на себѣ печать самостоятельности, и потому чрезвычайно интересовался, чтобы слушатель его взялъ самъ на себя инициативу своихъ занятій, работалъ какъ можно самостоятельно, хотя въ то же время всегда готовъ былъ явиться къ нему на помощь во всеоружіи своихъ знаній и опытности, если это дѣйствительно было нужно. Какъ онъ хвалилъ всегда первыя работы своихъ учениковъ, завлекалъ ихъ этимъ къ продолженію занятій! Какъ онъ старался направить ихъ, хотя бы тонкими дипломатическими способами, на такіе труды, гдѣ они могли проявить свою оригинальность! Какъ онъ, наконецъ, умѣлъ указать на связь этихъ трудовъ съ жизнью, что такъ важно казалось въ то время и такъ отвѣчало общему теченію самой жизни! Говорить ли о результатахъ? Какое увлеченіе славяновѣдѣніемъ, понимаемымъ при томъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, сказывалось въ наше время среди его учениковъ и вообще близкихъ къ нему людей! Изъ среды его слушателей вышло не мало почтенныхъ дѣятелей, о чемъ присутствующіе здѣсь, главнымъ образомъ жители Елпсаветграда, могутъ судить по собственнымъ наблюденіямъ.

Умолчу ли я еще о личныхъ отношеніяхъ В. И. Григоровича къ своимъ ученикамъ? Всякій изъ нихъ былъ у него всегда желаннымъ, можно сказать, дорогимъ гостемъ; хотѣвшій заниматься — пользовался на дому у Григоровича бесѣдами, еще болѣе поучительными и интересными, чѣмъ его лекціи; влижное море, окружавшее Григоровича, тонкими струями разливалось по

всему университету. Не отказывалъ онъ, наконецъ, и въ материальномъ пособіи, стараясь, какъ деканъ, привлечь на свой факультетъ львиную долю тѣхъ средствъ (стипендій и пособій), которыя предоставляются въ университетъ на долю учащихся; а въ спискахъ лицъ, вносившихъ свои лепты во время благотворительныхъ въ пользу студентовъ вечеровъ или спектаклей, непременно фигурировало имя чернорабочаго, жертвовавшаго однако по 100 рублей.

Я окончилъ университетъ задолго до того, какъ В. И. Григоровичъ его покинулъ, но помню, что выходъ его изъ университета насъ, его учениковъ, не особенно удивилъ: онъ часто говорилъ о своемъ желаніи уступить мѣсто молодымъ силамъ — и такія уже были. Еще менѣе могло удивить насъ его переселеніе въ Елисаветградъ, гдѣ онъ могъ дѣйствительно найти точку опоры для трудовъ по областной исторіи, которыми занятъ былъ въ послѣдніе годы. Но насъ какъ громомъ поразила вѣсть о внезапной его кончинѣ, къ чему его бодрый организмъ, почти никогда не болѣвшій, несколько насъ не подготовилъ. И невольно приходила въ голову тогда мысль, что смерть эта была результатомъ прекращенія любимой профессорской дѣятельности, дававшей все же выходъ огню, который сжигалъ душу Григоровича, что покойный профессоръ, можетъ быть, влѣдствіе излишней щепетильности, отчасти самъ не разобрался въ своемъ положеніи, почему такъ сравнительно рано и прекратилась его замѣчательная дѣятельность. Что дѣлать! Прошлое не воротить.

Но дѣятельность такихъ лицъ, какъ В. И. Григоровичъ, далеко не прекращается ихъ смертью, доказательствомъ чему служить и настоящее, можно сказать, исключительное торжество. Велико значеніе трудовъ В. И. Григоровича въ исторіи науки; но глубоко и слѣдъ, оставленный имъ въ сердцахъ его слушателей, которые не могутъ вспомнить о немъ безъ увлеченія, и я считаю себя въ высшей счастливымъ, что мнѣ, его ученику и въ тоже время представителю близкаго ему некогда Императорскаго Новороссійскаго Университета, довелось здѣсь, гдѣ память о немъ будетъ, конечно, сохраняться всего дольше, гдѣ отцы будутъ указывать на его могильный памятникъ дѣтямъ, объясняя смыслъ его и значеніе, — припомнить его благотворную воспитательную дѣятельность и засвидѣтельствовать, что она не забыта и никогда не будетъ забыта въ сердцахъ его бывшихъ слушателей.

О значеніи памятника В. И. Григоровичу для мѣстнаго общества.

В. Н. Ястребова.

Высокая личность и дѣятельность покойнаго В. И. Григоровича, какъ широко образованнаго и талантливаго профессора, какъ глубоко ученаго ветерана-слависта, византиниста и южнорусскаго этнографа и археолога, разносторонне оцѣнены его братьями по наукѣ и преемниками по университету. Въ нынѣшній торжественный день мы, жители уѣзднаго города, имѣли рѣдкое удовольствіе слышать о немъ авторитетныя рѣчи нашихъ почетныхъ гостей, представителей университетской науки. Мнѣ не остается ничего прибавить къ читанному и слышанному и не за тѣмъ выступилъ я передъ настоящимъ почтеннымъ собраніемъ.

Когда, по окончаніи курса въ одной отдаленной гимназіи, я пришелъ проститься къ учителю словесности и сказалъ ему, что ѣду въ одесскій университетъ, онъ, просіявъ лицомъ, сказалъ мнѣ: «тамъ Григоровичъ!» Когда потомъ я за тѣмъ же пришелъ къ учителю исторіи, онъ повторилъ: «тамъ Григоровичъ!» — и я замѣтилъ, что онъ завидовалъ мнѣ. Оба они были слушателями покойнаго въ Казанскомъ университетѣ. И вотъ я, духовный внукъ его, въ свою очередь имѣлъ счастье сдѣлаться его ученикомъ. Быстро пролетѣли короткіе четыре года. Я окончилъ курсъ въ университетѣ и пріѣхалъ учительствовать въ Елисаветградъ — и Викторъ Ивановичъ въ томъ же году вышелъ въ отставку и поселился тоже въ Елисаветградѣ. И я былъ у него здѣсь, на окраинѣ города, въ его маленькой, болѣе чѣмъ скромной, квартирѣ, переполненной книгами, видѣлъ его совершенно, повидимому, здоровымъ, слушалъ его, по обыкновенію оживленную, бесѣду, а черезъ короткое время помогалъ нести гробъ его на мѣсто послѣдняго упокоенія.

Все это, можетъ быть, оправдываетъ до нѣкоторой степени мою рѣшимость присоединить и свой голосъ къ торжественному хору чествованія памяти покойнаго Виктора Ивановича. Но у меня есть къ тому и еще одно побужденіе. Какъ обыватель Елисаветграда, я желалъ бы сказать нѣсколько словъ pro domo sua.

Памятникъ знаменитому ученому открытъ, освященъ и сдѣлался достояніемъ города; кладбище опустѣло; торжество наше близится къ концу; дорогіе гости скоро покинутъ насъ и жизнь нашего города снова пойдетъ своимъ чередомъ... Позволю себѣ откровенно высказать опасеніе: не прійдутъ ли кому либо пзъ отъѣзжающихъ гостей такія мысли: зачѣмъ Елисаветграду достался этотъ прекрасный памятникъ? не лучше ли было бы этому памятнику находиться въ какомъ-нибудь центрѣ? для кого здѣсь будетъ онъ выполнять свое назначеніе и не будетъ ли онъ забытъ и самъ и забытъ очень скоро?

Мнѣ пріятно думать, что открытый нынѣ памятникъ выполнить свое назначеніе и для нашей ближайшей округи, и я полагаю, что имѣю достаточныя основанія для такого ожиданія. Вотъ они.

Во вновь открытый Новороссійскій университетъ покойнаго привлекла, главнымъ образомъ, разноплеменность нашего края, въ связи съ географической и исторической близостью его къ Византіи и Славянамъ. Въ зависимости отъ общаго направленія его трудовъ, въ Одессѣ онъ началъ усердно заниматься мѣстной этнографіей и исторіей: ставилъ новые вопросы, открывалъ новыя перспективы, объѣхалъ лично нашъ Югъ отъ Днѣстра до Азовскаго моря, осматривалъ церкви и архивы, прислушивался къ особенностямъ мѣстныхъ говоровъ, записывалъ названія урочищъ, — рекомендовалъ и студентамъ темы по этнографіи для сочиненій. Самое переселеніе его въ нашъ городъ было дѣломъ обдуманнаго выбора. Не на покой пріѣхалъ къ намъ отставной профессоръ, а для новыхъ трудовъ. Сюда влекли его воспомнанія о Новой Сербіи, которая была колонизаціоннымъ ядромъ для Новороссійскаго края, сюда манила его перспектива знакомства съ вѣрными хранителями старины — старообрядцами, владѣющими здѣсь драгоцѣннымъ лицевымъ евангеліемъ и другими рукописными и старопечатными книгами, Елисаветградъ представлялся ему городомъ, въ меньшей степени, нежели многіе другіе города Новороссіи, поглощеннымъ меркантильными

интересами. Вскорѣ по пріѣздѣ сюда онъ собирался предпринимать, если даже и не предпринималъ на дѣлѣ, поѣздки по селамъ съ цѣлью личныхъ опросовъ мѣстныхъ жителей и настойчиво призывалъ къ тому же встрѣтившихъ его здѣсь учениковъ. Онъ дѣятельно искалъ помощника въ собираніи свѣжаго матеріала, какъ будто хотѣлъ начать жизнь сначала. Древній мудрецъ зажегъ фонарь и искалъ подлиннаго человѣка. Новый нашъ мудрецъ, Викторъ Ивановичъ всегда носилъ въ себѣ искру Божію и тоже искалъ, — искалъ кореннаго новороссійскаго туземца, хранителя старины и производителя въ великомъ дѣлѣ народнаго самосознанія, — искалъ — и не одинъ разъ находилъ такихъ туземцевъ. Какою свѣтлою радостію блестяли его глаза, когда говорилъ онъ намъ о трудѣ одного мѣстнаго священника по географіи и исторіи края, трудѣ, изобилующемъ фактическими свѣдѣніями, старательно и съ любовью собранными!

Съ тѣхъ поръ прошло всего 16 лѣтъ, но и въ этотъ незначительный промежутокъ времени мы можемъ насчитать цѣлый рядъ такихъ скромныхъ, но полезныхъ трудовъ мѣстныхъ дѣятелей и убѣдиться, что пылкость къ родной старинѣ и къ современному быту растетъ въ мѣстномъ населеніи хотя и тихо, но неизмѣнно. Правда, въ большихъ городахъ, научныхъ центрахъ, работниковъ науки больше, чѣмъ въ нашей глуши, но тамъ есть для нихъ руководство и совѣтъ живыхъ людей, тамъ есть университеты, ученые общества. У насъ ничего этого нѣтъ. Такъ не жалѣйте же, что, въ замѣнъ всего этого, у насъ останется одна дорогая могила!

Не забудетъ ея, прійдетъ къ этой могилѣ туземецъ, обнажитъ голову и помолится объ упокоеніи души покойнаго. У подножія этого памятника почерпнетъ онъ уваженіе къ знанію, интересъ къ окружающему населенію и къ его прошлому и, какъ тяглый работникъ, по выраженію покойнаго, примкнетъ къ общей дружной работѣ на пользу народнаго самосознанія.

Пахарь славянской земли.

(Памяти В. И. Григоровича)

Н. Θ. Маркова.

Про героев своих народъ пѣсни слагалъ
И ихъ чествовалъ рѣчью былинной,
Про того-ль, что врага богатырски сражалъ,
Что гулялъ со хороброй дружиной.

* * *

Но та слава прошла и героевъ тѣхъ нѣтъ;
Ими сердце гордится родное,—
Вспомнимъ, братья, средь нашихъ бесѣдъ
Нынѣ имя другого героя!

* * *

Не врага онъ по полю искалъ
И не билъ онъ мечемъ басурмана:
Онъ славянскую ниву пахалъ,
И вспахалъ ее всю, безъ изъяна.

* * *

Залегаеть та нива изъ давнихъ временъ
Отъ Урала-рѣки до Царьграда,
Та-ли нива славянскихъ племенъ,
Разодѣтая въ роскошь лѣсовъ и степнаго наряда.

* * *

Словно древній силачъ, богатырь удалой,
Что въ народѣ Микудою звался,
Онъ прошелъ эту ниву, только съ новой сохой,
И до вѣка онъ съ ней не разстался.

* * *

Но не пашней онъ шелъ, и не сошкой пахалъ,
И не зерна бросалъ онъ по полю:
Онъ великую книгу народовъ писалъ,
Что про ту-ли славянскую долю.

* * *

Умѣщались слова въ ней укладомъ живымъ
На завѣтныхъ листахъ письменами—
Такъ ложатся весною по нивымъ сырымъ
Благодатныя зерна рядами.

* * *

И въ могучей красѣ, гладью ржи золотой
Поднялся тотъ посѣвъ надъ землицей.
— Благодать! — молвилъ онъ и свой сѣвъ дорогой
Завѣщавъ намъ умножить сторицей...

* * *

Гой ты, пахарь славянской земли!
Про тебя мы пропѣли былинну
И на славу твою свои рѣчи свели,
А той славѣ не будетъ кончины!...

Привѣтствіе отъ имени Общества бывшихъ студентовъ Новороссійскаго Университета.

Произнесено депутатомъ Общества *Г. Е. Аванасьевымъ.*

Милостивые Государи!

Общество бывшихъ студентовъ Новороссійскаго университета и Ришельевского лицея поручило мнѣ быть его представителемъ на торжествѣ открытія памятника нашему незабвенному учителю. Исполненіе этого порученія доставляетъ мнѣ большую честь и великое счастье. Сложить вѣнокъ къ подножію памятника В. И. Григоровича отъ имени многихъ его слушателей, почетно принимать участіе въ торжествѣ его памяти, когда самъ былъ ученикомъ его и любилъ всѣми фибрами молодой души, — это великая отрада. Не одному изъ его учениковъ въ этотъ день вспомнится свѣтлый образъ профессора, воспитавшаго много поколѣній. Вспомнится профессоръ, который съ глубокой ученостью и широкой образованностью соединялъ пылъ юношескаго увлеченія своими идеями; — вспомнится его вдохновенная рѣчь, льющаяся съ кафедры неудержимымъ потокомъ, блестящая мыслями и образами и электризующая слушателей до того, что они забываютъ въ это время все въ мірѣ. Да, эти лекціи, кромѣ большой пользы, доставляли чисто высокое наслажденіе! Вспомнится его отечески любовное отношеніе къ намъ — студентамъ; — какъ онъ старался приласкать и приголубить насъ, изъ которыхъ многіе были заброшены на далекую чужбину. Онъ радовался нашими радостями, печалился нашими горестями. Вспомнится, наконецъ, какъ онъ будилъ наше славянское самосознаніе и вызывалъ интересъ къ славянскому міру и какъ онъ радовался,

если видѣлъ въ насъ этотъ интересъ, и какъ онъ поощрялъ наши первые шаги. Какъ же не чувствовать намъ, студентамъ Новороссійскаго университета, себя глубоко счастливыми, видя, что сегодня не тѣсный кружокъ почитателей, а все общество чувствуетъ память человека, служившаго украшеніемъ нашей almae matris! Видя такое проявленіе общественнаго самосознанія, мы не можемъ не поздравить васъ съ такимъ днемъ. Хвала Елисаветграду за его починъ въ этомъ дѣлѣ, хвала Историко-филологическому Обществу, доведшему его до благополучнаго конца и собравшему насъ вкупѣ на дорогой и славный праздник!

Привѣтствіе отъ Одесскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Произнесено депутатомъ Общества *А. И. Маркевичемъ.*

Одесское Славянское Благотворительное Общество, однимъ изъ учредителей, первымъ секретаремъ, дѣйствительнымъ организаторомъ и душою котораго былъ В. И. Григоровичъ, уполномочило меня передать г. Елисаветграду въ лицѣ его уважаемаго городского головы поздравленіе съ настоящимъ торжествомъ открытія памятника знаменитому ученому и поблагодарить городъ за его безусловно необходимое и любезное содѣйствіе устройству и открытію этого памятника, дорогаго для всѣхъ славянъ. Одесское Славянское Благотворительное Общество призываетъ на городъ вѣчное покровительство своихъ патроновъ, свв. братьевъ Константина и Меодія, защитниковъ всего славянскаго міра, насаждавшихъ въ немъ то просвѣщеніе, распространенію котораго посвятилъ всю жизнь В. И. Григоровичъ.

Телеграммы къ дню открытія памятника.

1) Отъ С.-Петербургскаго Университета.

С.-Петербургскій университетъ, глубоко чтя память одного изъ первыхъ насадителей славистики въ Россіи, считаетъ своимъ долгомъ принять участіе въ сегодняшнемъ чествованіи его настоящимъ привѣтствіемъ.

Ректоръ *Никитинъ*.

2) Отъ Казанскаго Университета.

Совѣтъ Казанскаго университета, чествуя память покойнаго профессора Григоровича, положившаго начало славянской филологіи въ Россіи, 25 лѣтъ послужившаго Казанскому университету и здѣсь пріобрѣтшаго всеславянскую извѣстность, проситъ Васъ заказать фарфоровый вѣнокъ и, написавъ на лентѣ: «Казанскій Университетъ незабвенному слависту», возложить оный на памятникъ при открытіи и быть при торжествѣ представителемъ нашего университета.

Ректоръ *Ворошиловъ*.

3) Отъ Юрьевскаго Университета.

Передайте соучастникамъ сегодняшняго торжества привѣтъ Юрьевскихъ почитателей Григоровича; мысленно присутствуемъ при открытіи памятника знаменитому славяновѣду.

Ректоръ *Будилевичъ*.

4) Отъ Варшавскаго Университета.

Ученики и почитатели Григоровича привѣтствуютъ Одесское Историко-Филологическое Общество въ торжественный день

открытія памятника одному изъ первыхъ нашихъ профессоръ-славистовъ. Они радуются, что глубоко ученый славный профессоръ, будитель народнаго славяно-русскаго сознанія, проводившій ради науки жизнь аскета, получилъ наконецъ нѣкоторую дань общественной признательности. Работая всю жизнь на благо славянства, православія, науки и духовныхъ интересовъ русскаго народа, Григоровичъ указывалъ вышія идеи, убѣжденный, что Россія ими еще болѣе окрѣпнетъ, оживотворится, возрастетъ и возвысится. Да напоминаетъ воздвигнутый монументъ грядущимъ родамъ объ одномъ изъ доблестныхъ сыновъ Россіи и славянства.

Профессора: *Смирновъ, Лезбера, Кулаковскій, Гротъ, Дьячанъ, Цытаевъ, Филевичъ, Вьховъ, Зенгеръ, Созоновичъ, Ульяновъ, Любовичъ, Новосадскій, Канскій.*

5) Отъ Университета Св. Владимира.

Историко-филологическій факультетъ университета Св. Владимира съ искреннимъ чувствомъ присоединяется къ чествованію памяти незабвеннаго въ лѣтописяхъ русской науки Виктора Ивановича Григоровича. Дай Богъ, чтобы брошенные имъ на русскую ниву добрыя сѣмена славянскихъ и византійскихъ изученій принесли обильные плоды.

Деканъ *Флоринскій*.

6) Отъ Историческаго Общества преп. Нестора Лѣтописца.

Историческое Общество преподобнаго Нестора Лѣтописца, вспоминая великія заслуги Виктора Ивановича Григоровича исторической наукѣ и славяновѣдѣнію, шлетъ земной поклонъ праху вѣчно памятнаго ученаго.

Предсѣдатель *Владимірскій-Будановъ*.

7) Отъ Кіевскаго Славянскаго Общества.

Кіевское Славянское Общество съ благоговѣніемъ присоединяется къ чествованію памяти великаго слависта, носителя и

будителя славянской идеи на Руси, незабвеннаго Виктора Ивановича Григоровича.

Предсѣдатель *Рахманиновъ, Флоринскій.*

8) Отъ Болградской гимназіи.

Гимназія, стоящая на рубежѣ славянскихъ земель и воспитывающая дѣтей славянъ, дорогихъ сердцу покойнаго, привѣтствуетъ отъ глубины души открытіе памятника незабвенному русскому слависту, профессору Григоровичу, воспитавшему чувства сердечной любви къ славянамъ и оставившему послѣ себя неизгладимую память въ сердцахъ всѣхъ, кому дороги интересы славинства.

Директоръ Болградской мужской гимназіи *Орловъ.*

9) Отъ Болградской женской гимназіи.

Болградская женская гимназія съ чувствомъ искреннѣйшей благодарности и глубочайшаго уваженія къ высокимъ заслугамъ знаменитаго русскаго ученаго слависта, профессора Григоровича, радостно привѣтствуетъ сегодняшній день открытія памятника незабвенному покойному профессору.

Предсѣдатель педагогическаго совѣта *Орловъ.*

10) Отъ Евпаторійской прогимназіи.

Душевно радуясь открытію памятника на могилѣ дорогаго и незабвеннаго учителя В. И. Григоровича, мысленно участвуемъ со всѣми вами въ этомъ торжествѣ.

Шрамковъ.

11) Отъ Екатеринославской гимназіи.

Екатеринославская гимназія присоединяется къ торжеству и выражаетъ искреннее свое пожеланіе, дабы вновь открытый монументъ служилъ всегдашнимъ напоминаніемъ о благотворной дѣятельности славнаго труженика.

Директоръ *Андреевскій.*

12) Отъ Камратскаго реальнаго училища.

Мысленно участвуя въ торжествѣ освященія памятника незабвенному наставнику, Виктору Ивановичу Григоровичу, просимъ принять сердечное выраженіе нашихъ чувствъ къ памяти знаменитаго слависта.

Директоръ *Клосовскій*, инспекторъ *Добровъ* и преподаватели.

13) Изъ Кпшпнева.

Съ глубокимъ чувствомъ благодарности учениковъ незабвеннаго учителя привѣтствуемъ открытіе памятника Виктору Ивановичу Григоровичу.

Борзаковскій, Бордычевскій.

14) Изъ Кутапса.

Просимъ присоединить наши имена къ числу чествующихъ память знаменитаго слависта Григоровича.

Колянковскій, Стояновъ.

15) Отъ Николаевскихъ мужской и женской гимназій.

Служащіе въ Николаевской мужской и женской гимназіяхъ ученики и почитатели незабвеннаго профессора Виктора Ивановича Григоровича, помолясь объ упокоеніи души его, приносятъ сердечное поздравленіе комиссіи по устройству нынѣ открываемаго памятника знаменитому труженику на поприщѣ славянской науки съ осуществленіемъ завѣтнаго желанія учениковъ и почитателей покойнаго.

Директоръ гимназіи *Балыжъ.*

16) Изъ Новгорода.

Миръ праху незабвеннаго Виктора Ивановича!

Рклицкій.

17) Изъ Одессы.

Бывшіе ученики Виктора Ивановича Григоровича радостно присоединяются къ чествованію памяти славнаго ученаго и незабвеннаго учителя.

Искра, Капитанаки, Охрыменко, Чаушанскій.

18) Отъ Симбирской гимназіи.

Симбирская гимназія, вознеся молитву Господу Богу за вѣчный покой души боярина Виктора и выслушавъ въ актовомъ залѣ рѣчь о незабвенныхъ ученыхъ заслугахъ достопочтеннаго профессора славянству и отечеству, мысленно присоединяется къ знаменательному торжеству открытія ему рукотвореннаго памятника на вѣчную память всей великой славянской семьѣ.

Директоръ *Свѣшниковъ*.

19) Отъ Феодосійской гимназіи.

Покорнѣе просимъ Васъ положить къ подножію воздвигаемаго Виктору Ивановичу памятника и отъ насъ искреннюю дань глубочайшей признательности за тѣ добрыя и разумныя сѣмена, которыя онъ, нашъ незабвенный профессоръ, заронилъ въ насъ, его старѣйшихъ слушателей по Новороссійскому университету.

Директоръ Феодосійской гимназіи *Виноградовъ*,
учителя той-же гимназіи *Мышкинъ*, *Ивановъ*.

Памяти В. И. Григоровича.

Историко-Филологическое Общество при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ открываетъ, сооруженный по его почину и подпискѣ, завтра, 18 го октября, памятникъ проф. В. И. Григоровичу на могилѣ его въ Елизаветградѣ. В. И. Григоровичъ, родившійся въ 1815 г. и скончавшійся 19 декабря 1876 г., бывший профессоръ Казанскаго и затѣмъ Новороссійскаго университетовъ по кафедрѣ славяновѣдѣнія, занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи русской и славянской науки и образованности. Человѣкъ высокаго, чистыхъ стремленій, беззаветно преданный наукѣ, горячо любившій Россію и все славянство, В. И. Григоровичъ, вмѣстѣ съ достопамятными сотрудниками и товарищами своими О. М. Бодянскимъ, П. И. Прейсомъ, И. И. Срезневскимъ, былъ однимъ изъ первыхъ послѣ Востокова насади-

телей новой тогда науки славяновѣдѣнія въ нашемъ отечествѣ. Вмѣстѣ съ ними онъ былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ ученыхъ путешественниковъ въ западныхъ славянскихъ земляхъ. Три первые его товарища прямо направились въ славянскія земли Пруссіи, Саксоніи и Австро-Венгріи, изучили и изслѣдовали только эти земли, да посѣтили еще Черную Гору и Сербію. Они также понимали важность изученія славянской народности въ Болгаріи, Фракіи и Македоніи, но въ трудно тогда доступную Турцію они не рѣшились, не успѣли проникнуть. В. И. Григоровичъ— въ этой рѣшимости и въ этомъ начинѣ была уже великая заслуга— прямо началъ свое путешествіе съ Турціи и пробылъ въ ней 11 мѣсяцевъ. Небольшая книжка Григоровича: «Очеркъ путешествія по Европейской Турціи (2 изд. М. 1877. IV + 181 стр.) имѣетъ важное значеніе въ исторіи науки, но еще важнѣе была масса живыхъ этнографическихъ и археологическихъ наблюденій и замѣтокъ, множество рукописей или извлеченій изъ нихъ, собранныхъ и привезенныхъ Григоровичемъ изъ его одиннадцатимѣсячнаго пребыванія въ Болгаріи, Фракіи и Македоніи. Его собраніе рукописей, дополненное впоследствии новыми пріобрѣтеніями, украшаетъ нынѣ Румянцевскій музей въ Москвѣ и бібліотеку Новороссійскаго университета, а важныя открытія, богатые знанія и наблюденія Григоровича стали достояніемъ науки; онъ ознакомилъ съ ними ученыхъ рядомъ небольшихъ и немногочисленныхъ, но весьма цѣнныхъ трудовъ филологическихъ, археологическихъ, историческихъ, почти тридцатилѣтнимъ своимъ преподаваніемъ въ Казанскомъ университетѣ, въ Казанской духовной академіи и въ Новороссійскомъ университетѣ. Всей душою преданный своему дѣлу, В. И. Григоровичъ съ величайшею готовностью, можно сказать, съ радостью и самозабвеніемъ дѣлился своими глубокими знаніями, своими оригинальными мыслями, богатыми матеріалами и въ частныхъ бесѣдахъ, и въ письмахъ не съ одними своими учениками, но и съ разными учеными старшаго и младшаго поколѣнія. Григоровичъ не знавалъ такъ называемой ремесленной зависти, *jalousie de métier*. На молодежь, его окружавшую, особенно въ Казани, какъ въ университетѣ, такъ и въ духовной академіи, онъ имѣлъ самое благотворное вліяніе. Ученое изданіе Казанской академіи «Православный Собесѣдникъ», особенно въ 60-хъ годахъ и позже, служатъ тому живымъ доказательствомъ. Замѣчательные дѣя-

тели наши, проф. М. П. Петровскій, А. Н. Пыпинъ, рано скончавшійся незабвенный А. О. Гильфердингъ были долгое или короткое время, какъ два послѣдніе, учениками В. И. Григоровича и всегда считали себя много обязанными ему. По чистотѣ помысловъ и жизни, по глубочайшей преданности наукѣ, по общирности и глубинѣ познаній, по важности сдѣланныхъ имъ находокъ и оставленныхъ имъ трудовъ, В. И. Григоровичъ принадлежитъ къ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ славяновѣдцовъ въ Европѣ и къ числу немногихъ знаменитыхъ ученыхъ, которыми Россія можетъ доселѣ по справедливости гордиться. Нельзя не радоваться и не выразить полнѣйшаго сочувствія къ имѣющему быть завтра въ Елисаветградѣ открытію памятника на могилѣ Григоровича. Благо поколѣніямъ, умѣющимъ чтить память почившихъ заслуженныхъ дѣятелей.

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ почитателей памяти и заслугъ В. И. Григоровича рѣшили завтра, въ воскресенье, 18-го октября собраться въ нашей университетской церкви на имѣющую быть въ ней въ 11½ ч. послѣ обѣдни панихиду по усопшемъ. Въ Петербургѣ не мало казанцевъ и новороссійцевъ, болѣе или менѣе близко знавшихъ покойнаго В. И. Григоровича, не мало болгаръ, сербовъ и другихъ славянъ, чтущихъ память знаменитаго нашего славнста, и вообще много найдется его почитателей изъ старшихъ и младшихъ поколѣній. Многіе изъ нихъ пожелаютъ придти въ университетскую церковь помолиться за покойнаго въ то время, какъ въ Елисаветградѣ на его могилѣ будетъ отслужена по немъ панихида и открытъ сооруженный ему памятникъ.

В. Ламанскій.

(Изъ «Новаго Времени», № 5976, 17 октября 1892 г.)

Памяти проф. В. И. Григоровича.

Въ скромномъ и тихомъ Елисаветградѣ завтра будетъ необычное торжество: тамъ произойдетъ открытіе памятника профессору В. И. Григоровичу. На этомъ торжествѣ компетентными и близко знакомыми съ дѣятельностью В. И. ораторами будетъ сдѣлана должная оцѣнка трудовъ этого профессора; все это болѣе или менѣе будетъ извѣстно читающей газетѣ публикѣ, почему въ настоящей замѣткѣ я и не намѣренъ дѣлать ни біографическаго, ни критическаго очерка о В. И. Мнѣ трудно было удержаться, чтобы не сказать въ этотъ день хотя нѣсколькихъ словъ въ память покойнаго профессора и хотя духомъ присутствовать сегодня на могилѣ, которая мной прежде была посѣщаемая не разъ и которая во мнѣ вызывала всегда цѣлый рядъ думъ и мыслей.

Я не имѣлъ, да и не могъ имѣть счастья лично знать основателя славянской кафедрѣ въ нашемъ университетѣ, но знакомство съ трудами его и рассказы съ воспоминаніями лицъ, знавшихъ его, — всегда рисовали и рисуютъ мнѣ В. И. Григоровича, какъ очень симпатичнаго человѣка, великаго ученаго, обладавшаго громаднымъ талантомъ и обширнѣйшими знаніями. Отъ своихъ учителей, — учениковъ покойнаго, — постоянно приходилось слышать самыя сердечныя отзывы о немъ; среди его слушателей существовалъ всегда какой-то культъ, родъ благоговѣйной любви къ профессору, почему всѣ воспитанники Новороссійскаго университета, выпускновъ, бывшихъ при В. И. Григоровичѣ, и хранятъ память о немъ очень бережно и говорятъ о немъ всегда охотно и любовно. Онъ оказывалъ на своихъ слушателей громадное вліяніе, заставляя ихъ своими одушевлен-

ными бесѣдами интересоваться славяновѣдѣніемъ и возбуждая въ нихъ любовь къ различнымъ вопросамъ научнаго и общественнаго характера. У него на дому бывали постоянно занятія, на которыхъ, по разсказамъ участниковъ, бывшихъ студентовъ, рѣвой лилась его одушевленная рѣчь. Такое отношеніе къ слушателямъ не можетъ не породить въ нихъ самага теплаго и искренняго чувства. Завтра, думается мнѣ, особенно сердечно поминуть они своего учителя и порадуются искренней радостью, что могила этого замѣчательнаго человѣка не будетъ отнынѣ подвержена опасности быть забытой и затерянной.

В. И. Григоровичъ отличался большою скромностью, былъ очень не высокаго мнѣнія о своихъ трудахъ, считая себя лишь «чернорабочимъ» въ наукѣ и предоставляя другимъ созидать изъ накопленнаго матеріала.

Конечно, это крайнее самоуниженіе со стороны В. И., ибо труды его, среди которыхъ нѣтъ массовныхъ и увѣстныхъ книгъ, имѣютъ громадное значеніе и необходимы всякому, занимающемуся тѣмъ или другимъ вопросомъ славянской филологіи. Покойный былъ человѣкъ громаднаго философскаго образованія и обладалъ широкими научными взглядами; это видно изъ каждаго его труда и изъ всякой, даже мелкой, статьи. Онъ не ограничивался передачей того или другого факта, но всегда всюду вносилъ извѣстную идею, оцѣнивая то или другое историческое событіе съ обще-человѣческой точки зрѣнія. Онъ всегда и вездѣ преслѣдовалъ опредѣленные цѣли, выставляя и указывая задачи и тенденціи мѣстныхъ изслѣдованій. На нашъ университетъ, напр., онъ возлагалъ большія надежды, считая необходимымъ для него и для его питомцевъ — изученіе мѣстной старины, мѣстныхъ преданій и проч.; на Одессу же онъ, вообще, смотрѣлъ, какъ на мѣсто, гдѣ долженъ быть центръ для изученія юга славянскаго, и откуда должны завязываться сношенія съ нашими сосѣдями — греками, румынами и т. п. Въ его сочиненіяхъ разсѣяно много указаній по этому поводу, и многія его статьи слѣдуетъ считать программой для нашихъ мѣстныхъ научныхъ занятій. Кое что изъ этой программы выполняется, но многое еще — достояніе будущаго; все-же въ области указанныхъ занятій неизбежно будетъ всегда связано съ именемъ В. И. Григоровича.

Онъ любилъ Одессу, любилъ и университетъ нашъ: зато-сковавъ по немъ, онъ и умеръ; часть своихъ книгъ и драгоцен-

ныхъ рукописей онъ подарилъ ему — что упочить, конечно, память о В. И. среди будущихъ питомцевъ университета. Смѣю надѣяться и желать, что со временемъ больше твердости и вѣрности будутъ имѣть и занятія мѣстной стариной и нашими сосѣдами, какъ того желалъ покойный профессоръ; тогда ему будетъ воздвигнуть самый прочный, самый вѣчный и достойный памятникъ.

Въ день-же открытія ему памятника надгробнаго слѣдуетъ пожелать осуществленія всѣхъ чаяній, упованій и надежд покойнаго относительно ученыхъ задачъ юга Россіи вообще и нашего университета въ частности. Научныя традиціи, связанныя съ дорогимъ именемъ чествуемаго профессора, очень симпатичны; онѣ не могутъ не вызвать самой искренней признательности къ памяти ихъ инициатора: онѣ будутъ жить очень и очень долго. Ихъ будетъ постоянно пробуждать и обновлять открываемый памятникъ, созданіе котораго на добротныя жертвованія свидѣтельствуетъ о томъ, что имя В. И. Григоровича пользуется любовью и глубокимъ уваженіемъ русскаго образованнаго общества. Завтра прибавится еще одно доказательство, что у насъ уже умѣютъ чтить благодарно заслуги своихъ ученыхъ; это очень утѣшительно и служить прекраснымъ вѣнкомъ тому, кто всю жизнь училъ съ кафедры и самоотверженно трудился на пользу родной науки.

М. Попруженко.

(Изъ «Новороссійскаго Телеграфа», № 5590, 17 октября 1892 г.).

